

МАША ЛОВЫГИНА

БЕЛАЯ СИРЕНЬ

18+

Маша Ловыгина

Белая сирень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56100359

SelfPub; 2022

Аннотация

Восемь лет назад в тихом провинциальном городе Чудове произошло событие, о котором не трубили газеты и не судачили потрясённые жители. И это было странно, ведь произошедшее касалось местного "короля" города, который держал власть в своём кулаке.

Ольга Валеева возвращается в Чудов и встречается со своим прошлым. Но тот, кто должен лежать в могиле, кажется, жив...

Так мертвы ли мёртвые?

Содержание

1	4
2	16
Чудов, восемь лет назад	23
3	28
4	39
5	51
Чудов, восемь лет назад.	51
6	62
7	71
8	82
Чудов, восемь лет назад.	82
9	93
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Маша Ловыгина

Белая сирень

1

Лесная сирень пахнет по-особому – густой влажный аромат её окутывает с ног до головы. В сумерках не разглядеть соцветий, но я знаю, что они не такие крупные, как в садах и парках. О, этот сумасшедший запах! Его не портит ни приресь испарений, исходящих от вывернутой лопатой земли, ни горько-солёный вкус крови на губах, ни боль от ссадин на моём теле. Я стою, высоко задрав голову, и дышу, закрыв глаза. Мне так хорошо, что я не чувствую почву под ногами. Кажется, что сейчас взлечу. Но ты тянешь меня обратно... Марина, что же с нами теперь будет?..

– Чего стоишь?! Помогай, давай!

Скрежет лопаты заставляет меня очнуться. Но я не хочу, не хочу...

– Господи, какая тяжесть! Ну же, не спи!

– Просыпайся, Лёля! Открой глазки, посмотри на меня! Зря, ты не пошла со мной. Я скучал! Лапу-у-ль, поговори со мной!

Оля сонно подняла руку и потрепала по голове льнувшие-

го к ней мужчину. В нос ударил запах коньяка и вишнёвого табака.

– Надрался? – с трудом разлепив глаза, девушка щурилась от яркого света. – Выключи лампу.

– Ну, Лёль, – мужчина, не снимая изящных туфель, закинул ноги на кровать и попытался улечься рядом, – только не уходи, я хочу спать с тобой.

– Господи, Артём, – Ольга, подтянув на макушке собранные в хвост волосы, села на кровати, – определись уже, чего ты хочешь!

Артём широко улыбался, раскинув руки поперёк кровати, и Оля в очередной раз поняла, что не может на него сердиться. С трудом сдерживая смех, она закусилла нижнюю губу и сдвинула брови.

– Белецкий, да ты пьян в стельку! Сними обувь и сходи в душ!

Артём обхватил девушку за талию и уткнулся ей в бок.

– Лёлька, меня утвердили! Повод нажраться вполне официальный. Буду ставить «Маскарад»!

– Серьёзно? – Ольга потёрла глаза, стряхивая с себя остатки сна. – Белецкий, это же фантастика! Дай, я тебя поцелую! – она нагнулась над Артёмом и, схватив его за уши, смачно поцеловала в орлиный нос. – Бюджет достойный?

Артём утвердительно хмыкнул.

– Слушай, я уже вижу несколько вариантов! Понимаю, рано. Ты определился с концепцией? Это мы с тобой обсудим

позже. Но я уже готова сделать наброски, эскизы. Ты только намеки! – зелёные глаза Оли возбуждённо горели.

– Лёль, – Артём поморщился и заворочался, поднимаясь на локтях.

– Лежи, не вставай! – Ольга легко спрыгнула на пол и стала стягивать ботинок с ноги Артёма. – Я уже не сержусь.

– Оля, помолчи! – Артём выдернул ногу и выставил перед собой ладонь. – Лучников на своих условиях настаивает. И я могу его понять. У него связи, обязательства. Всё официально. Тебе пора заниматься делом серьёзно, заявить о себе. Я готов к сотрудничеству, но мне не нужны «мёртвые души» в твоём лице. Лёль, мой состав и режиссура. Я хотел познакомиться с тобой сегодня. Неужели ты думаешь, я буду бодаться с Лучниковым? – наткнувшись на взгляд Ольги, покаянно опустил голову. – Прости, я действительно так думаю. Зачем прятаться? Ты самый талантливый декоратор и художник по костюмам, и самая красивая из них! Именитые режиссёры скоро будут готовы выстроиться в очередь, чтобы работать с тобой. Но это твоё желание всё время быть в тени, меня откровенно удивляет.

– Хорошо. Я всё поняла. Но мне надо подумать, – Оля взяла свою подушку и, ударив ладонью по выключателю, закрыла за собой дверь. – Завтра обсудим, спи!

Через минуту за её спиной раздался храп. Оля прижалась затылком к двери и несколько раз глубоко вздохнула.

И что это она завелась? Артём абсолютно прав. И, может

быть, даже любит её.... Но ничего о ней не знает.

Они встречались полгода. Много это или мало? Наверное, достаточно для того, чтобы утолив первую страсть, с удивлением продолжать стремиться друг к другу, но понимать и принимать со всеми плюсами и минусами – явно недостаточно.

Артём был всего на два года старше, но уже многого добился. Ольга же до сих пор видела в нём вихрастого юношу студента, а не модного театрального режиссёра, которым он стал за короткий срок. Его постановка и прочтение «Бешеных денег» Островского на сцене молодёжного театра произвели фурор, граничащий со скандалом, поскольку молодой режиссёр, осовременив пьесу, довольно фривольно отнёсся и к тексту, и к внешнему виду героев.

Ольга основательно приложила руку к «картинке» спектакля, но её имени не было в ряду выпускающих пьесу. Это было её неперменным условием.

Публика приняла постановку с восторгом. Главное, что победителем стал Артём Белецкий. Мальчик, родившийся с золотой ложкой во рту, сын своего отца – корифея российской сцены, и матери, в жилах которой текла кровь популярного некогда советского композитора. Наследник династии, он очень хорошо усвоил правила, продиктованные самим фактом его рождения, но, несмотря на эпатаж, аккуратно балансировал на грани допустимого.

Впервые Оленька Валеева увидела Артёма на его дипломном спектакле в институте. Как они не пересеклись до этого, было совершенно непонятно, ведь «варились» в одной тусовке.

Оля в то время сшила костюмы уже для нескольких дипломных постановок. В основном, общалась с девочками актрисами – яркими, взбалмошными, уверенными в себе. Оттачивала мастерство, обрастала большим количеством столичных знакомств. Наблюдательность, живой интерес к театру, провинциальное обаяние и тонкий врождённый вкус сослужили Оле хорошую службу. Она была популярна: к ней обращались в экстренных случаях, когда поджимало время или работа требовала особых знаний и скрупулёзности.

«Мои руки – моё всё», – часто думала Оля, растирая зудящие от постоянного шитья и краски пальцы.

Она была сиротой, приехавшей в Москву в 16 лет, где её никто не ждал. Окончила ремесленное училище. Сменила несколько ателье и студий декора, но старалась нигде не задерживаться, несмотря на уговоры. Организовала собственную мастерскую с единственным работником в своём лице, и брала заказы лишь по рекомендации. Все её мысли были заняты только работой, пока она не встретила Артёма.

Что это было? Гром, молния, удар головой об асфальт или кирпич с крыши?

Оля подшивала подол «Ванине Ванини» в исполнении Жанны Саблиной. В маленькой гримёрке, практически

уткнувшись лбом в шёлковый кринолин, она стояла на коленях, оттопырив к дверям пятую точку. Парень ещё не попал в поле её зрения, но от его голоса у неё вдруг перехватило дыхание: бархатный, с лёгкой хрипотцой, обволакивающий тембр заставил её замереть и прислушаться.

– Душа моя, ты готова?

– Боже, Белецкий, прости! Буду готова через несколько минут! Зацепила каблуком, когда надевала! – «Ванина» махнула в воздухе сигаретой. – Хорошо, что Оленька уже здесь была. Ты моё спасение, Валеева! – актриса погладила Олю свободной рукой по макушке. – Стану звездой, возьму тебя к себе. Будешь только мне шить!

Оля откусила нитку.

– Жанн, это ты ко мне будешь записываться в очередь на платье, – поднявшись с колен, Ольга поправила кружева на корсете будущей звезды и повернулась.

Высокий худощавый парень стоял в дверях гримёрной.

Внутри неё что-то сладко дёрнулось и оборвалось.

– Артём Белецкий, – он манерно протянул руку, и манжет рубашки, задравшись, открыл татуировку вокруг запястья, в виде "инь" и "янь", сплетённых между собой.

– Ольга, – голос девушки дрогнул, когда она вкладывала свои пальцы в его тёплую ладонь.

– Валеева, будь осторожна! Белецкий – известный сердце-ед и вообще, – Жанна наклонилась как можно ближе к Артёму, вытянув полные красные губы уточкой, – пожиратель

молоденьких дев.

Артём, улыбаясь, внимательно оглядел Жанну и поправил грим у неё на лице.

– Готова, дева? – длинными пальцами провёл по тугим локонам. – Жанна, умоляю – текст! И поработай губами. У меня ощущение, что ты глотаешь окончания.

– Умеешь ты создать настроение, Белецкий! – Жанна передёрнула голыми плечами. – Оленька, с меня презент. Как я тебе?

– Блеск! – Оля, ещё раз оглядев своё творение, перекрестила Жанну. – С богом! Ни пуха, ни пера!

Актриса округлила глаза и помахала на них кончиками пальцев.

– Ну как тебя не любить, Валеева? Иди к чёрту! – шуршание кринолина в коридоре сопровождалось скороговоркой, произносимой глубоким контральто.

– Итак, – Артём приподнял бровь, – вы уже освободились?

– В смысле? – Оля с интересом посмотрела на Белецкого. – Сейчас я пойду в зал. Ни за что не пропущу «Ванину Ванини». Это моё первое произведение Стендаля, я в него всю душу вложила.

– Ну, вообще-то, это и первое произведение автора, – карие глаза Артёма улыбались.

– Разумеется, – девушка тряхнула светлыми волосами и почувствовала, что краснеет. – Я шила костюмы для Ванины и Пьетро Миссирилли. Главные герои, понимаете? Для

меня это очень важно! Они мне снились почти каждую ночь последний месяц. Их образы, историческая достоверность, ткань, кружево! Боже, – Оля приложила пальцы к губам, останавливая себя. – Простите, Артём, я несу ерунду.

Белецкий, не отрываясь, глядел на Ольгу. На то, как быстро её ловкие руки складывают швейные принадлежности в бархатную сумочку. Как она склоняется к упавшему напёрстку, и её невысокая фигурка в пышной юбке в стиле 50-ых легко перегибается в тонкой талии, перехваченной красным ремешком. Отсутствие маникюра на аккуратных пальчиках, полные, без следа помады, губы, глаза оттенка весенней листвы и роскошные белокурые волосы.

Артём взглянул на экран телефона.

– Незадача! Осталось пять минут. Сейчас речь мастера. Боюсь, в зал мы не успеем. – Увидев разочарованный взгляд Ольги, поспешил её успокоить. – Но мы сделаем проще, пойдём за кулисы. И, никому не помешаем!

– А можно? – девушка восторженно захлопала в ладоши. – Так даже лучше – вдруг кому-то потребуется моя помощь? – она потрясла сумочкой.

Артём задержал взгляд на обтянутой белой футболкой груди Ольги и, вдруг опомнившись, кивнул.

– Конечно! Но я надеюсь, что они отыграют и с оторванными пуговицами. Идите за мной.

Оля кинула подушку на диванчик в кухне и нажала кнопку электрического чайника. В старинном серванте покойной

прабабушки Артёма тоненько зазвенел немецкий фарфор. Девушка подошла к окну и, отодвинув тяжёлую, в пол, штору, выглянула в окно.

Свет уличных фонарей практически сливался с предрасветной дымкой. Совсем скоро дворник немного повозит метлой в их тихом чистом дворе, и первый трамвай даст сигнал новому дню. Оля дотянулась до форточки и pokrутила шпингалет. Как же ей нравились эти старые деревянные рамы, неровные подоконники, отполированные временем, медные держатели для штор в виде львиных голов, намертво вкрученные в стену ещё во времена НЭПа, старинная золотая бахрома на тёмно-зелёном бархате и бронзовая люстра в сверкающих лепестках хрусталя Баккара.

Вот уже несколько месяцев девушка оставалась у Артёма на выходные. Всё произошло так естественно, словно кто-то свыше руководил процессом их сближения – небесный дирижёр или регулировщик человеческих жизней.

И великолепный Белецкий с его впечатляющей родословной, и эта квартира на Патриарших, полная вдохновения и призрачных иллюзий, вылизанный двор с вековым дубом в объятиях чугунной ограды – всё это расслабляло Олю, лишало собранности и защитных сил. Их встречи были тайными, что устраивало обоих. С вечера пятницы до вечера воскресения Оля обретала ощущение благополучной сытости и покоя, которые душа её требовала всё чаще и чаще.

Артём вёл себя так, что его не за что было упрекнуть. Раз-

ве можно упрекать в чём-то воздух, летний ливень, или бурлящий водопад? Белецкий был талантлив, любим и неуловим, как порыв ветра. Ему было необходимо возвращаться к себе домой, и чтобы Ольга ждала его там. Но Ольга, вместо того чтобы удерживать Белецкого рядом и заполнять собой всё пространство вокруг него, странным образом существовала параллельно, где-то в другой плоскости, накапливая солнечное тепло, чтобы при встрече обрушить на него тонну нежности и любви.

Насыпав в пузатую чашку заварку, Оля взяла чайник и прислушалась к себе.

Господи, нет ничего лучше вот такого раннего утра, когда не надо никуда спешить! Будет густой наваристый борщ на обед, свежий хрустящий багет и ведро сметаны из фермерского магазинчика. И Белецкий, наевшись, снова уснёт ненадолго, уткнувшись в её колени, и будет вздрагивать, когда Оля нечаянно заденет его волосы книгой. А потом они пойдут куда-нибудь по вечернему проспекту и счастливые вернутся домой, чтобы заснуть в объятиях друг друга.

«Чушка ты подзаборная!» – пронзительный визгливый голос в голове, как всегда, появился так внезапно, что рука дрогнула. Кипяток попал на поверхность стола, отчего она сразу потемнела и задышала паром. Оля поставила чайник и села на стул. Сердце заколотилось, слабость охватила всё тело. Она поморщилась, словно от зубной боли, и зажмурилась глазами.

Ничего, надо просто расслабиться и не думать несколько минут. Вот так, почти получилось. Оля набрала воздух в лёгкие и задержала дыхание. Затем с шумом выдохнула. Голова закружилась, но сердце успокоилось и перестало прыгать, словно мячик для пинг-понга.

Девушка на цыпочках прошла в спальню. Поняв, что сон Артёма достаточно крепок, сняла с него второй ботинок. Подняла с пола пиджак и повесила его на спинку кресла. Расслабив узел, стащила галстук. Ворот белоснежной рубашки был испачкан помадой: с одной стороны ярко-красной, с другой – вишнёвого оттенка. Такое же вишнёвое пятно жирно блестело на лице Артёма ближе к шее. Оля брезгливо потёрла его ладонью, но Белецкий заворочался, недовольно бормоча, а потом, словно ребёнок, сложив ладони лодочкой под щёку, уютно устроился на боку. Оля взглянула на старинные часы, тикавшие в углу комнаты. Подумав, забрала мобильный телефон Артёма с собой. Накрыв Белецкого шерстяным покрывалом, она так же тихо вернулась на кухню.

Оля отхлебнула крепкий чай и повозила ложкой в вазочке с засахарившимся вареньем. Промелькнула мысль, прилечь ещё на пару часиков. Взглядом она несколько раз цеплялась за подушку на уютном плюшевом диванчике. Но, кажется, время было упущено, и девушка пила чай, задумчиво поглядывая на лежащий перед ней телефон Артёма. Хозяин его крепко спал, а телефон продолжал жить своей жизнью – экран то и дело светился от приходивших смс:

«Ты лучший!»

«Обожаю»

«Хочу с тобой встретиться!»

«Позвони мне!»

Если ревность и поднимала голову, то Ольга давила её. Каждый день этой прекрасной жизни с Артёмом был на вес золота.

И, если бы не это мерзкое ощущение вины, острым осколком сидевшее в сердце, Оля была бы абсолютно счастлива.

Ольга двигалась вдоль рядов с овощами и фруктами и ловила себя на том, что её брови взлетают вверх под самую чёлку при виде ценников.

Артём, особенно в последнее время, настойчиво предлагал ей деньги, демонстративно оставляя на полочке в прихожей несколько зелёных купюр. Но она всего пару раз воспользовалась его предложением, продолжая закупать продукты на свои средства в районе, где жила и работала. Вот и вчера она очень удачно отхватила приличный кусок телятины, который оказался дешевле выложенных сегодня на уличном прилавке помидор. Томаты были действительно хороши и пахли югом. Артём с детства привык к самому лучшему.

Ольга потопталась перед горкой томатов, затем взяла парочку, выбрав самые спелые. И зелень. Да, зелень обязательно!

В молочном отделе толпились покупатели. Оле понравилась молодая продавщица в кружевном кокошнике и белом фартучке. Она чем-то неуловимо напоминала Клару Лучко в «Кубанских казаках», и при виде её румяного лица в голове Ольги тут же зазвучала знакомая мелодия.

– Сметана свежая? – дородная женщина за спиной Оли постучала по стеклу витрины выпуклым золотым перстнем, привлекая к себе внимание.

– У нас всё свежее, – мелодично отозвалась продавщица, отпуская улыбчивого дяденьку в очках.

– Дату мне скажите! – не унималась женщина с перстнем.

– Восемнадцатое!

Оля вздрогнула и нахмурилась. Обернулась к женщине.

– А сегодня какое?

– Восемнадцатое! Вы тоже обратили внимание? Как будто мы поверим, что сметана сегодняшняя! Дай бог, если вчерашняя.

– Восемнадцатое мая?

Женщина чуть отодвинулась от Ольги и с подозрением оглядела её с ног до головы:

– Ну да. Вы что-то брать будете?

Оля задумчиво закусил губу.

– Что, дочка, выпала из реальности? – очкастый дяденька подмигнул ей и погрозил пальцем. – Рано маразмом страдать! Витамины пей!

Ольга отошла в сторону от спящих покупателей и достала телефон. Притоптывая от нетерпения, она слушала длинные гудки, пока ей не ответили.

– Жанна, привет, это я!

– Кто – я? – Саблина хрипло откашлялась. – Валеева? Ты с ума сошла? Я только спать легла.

– Прости! – Ольга поборол желание отключиться. – Но, раз уж ты ответила...

– Господи, – протянула Жанна и снова закашлялась, – го-

лова раскалывается! Подожди, аспирин выпью. – Послышалось бульканье и стон. – Давай, Валеева, добивай меня. Я готова.

– Жаннуль, я опять к тебе за помощью. Регистрация заканчивается, а мне, сама понимаешь, очень нужно.

– А что, уже полгода прошло? Вот, блин, время летит. Тебе, Валеева, не регистрацию, а мужика хорошего надо. Столько лет в Москве, а как монахиня живёшь. Шла бы тогда в монастырь, там мирские хлопоты людей не беспокоят.

Ольга молча ждала. Ладонь вспотела, и девушка, поставив пакет между ног, переложила телефон в другую руку.

– Позвоню сегодня или завтра. И сразу об оплате: я себе пальто из последней коллекции Марни присмотрела, – голос Жанны приобрёл насыщенность и звонкость, – ткань мне подгонят из Италии. Хочу, чтобы ты кое-что переделала в модели. Эксклюзива хочу.

– Конечно, Жанн, всё, что пожелаешь. Для оформления я могу не приезжать? Всё, как обычно?

– Да, справку я у администратора в театре оставлю. И, кстати, в груди у меня теперь немного больше, – актриса кокетливо рассмеялась, – подарок на 8 марта, так сказать! Белецкий вчера заценил! Мы в «Облаках» пересеклись. Я была в том чёрном платье, помнишь, с вырезом до глубины души? Еле втиснула своё богатство! Ты бы видела глаза Лучникова! Старая скотина исходил слюнями! А надо было вовремя внимание на меня обращать, когда я ещё птенцом была и не

знала, куда податься. Вот теперь сиди, вращай своими жадными глазёнками! У меня визажист на зарплате и тренер на подхвате!

– Помада красная была? – Оля, забыв про сметану, покинула павильон.

– Станный вопрос, Валеева, только красный и только Шанель!

– А с тобой кто был? Ты же не с банкиром своим тусила? – Оля подумала о вишнёвом отпечатке на лице Артёма.

– Тебя не проведёшь, мой маленький сыщик, – послышался щелчок зажигалки. – Разумеется, нет: пузатый мишка резвился в родной берлоге со своими медвежатами и старой злой медведихой. Инга Розова хвостом увязалась после показа. Вот бесит она меня, понимаешь? Бесит! Ни рожи, ни кожи, но дядя – сам Рыбальченко. Ей за ролями в очередь стоять не надо. Может, он ей и не дядя вовсе? Хотя, нет – она же страшная! И таланта нет. Кидалась вчера на Белецкого. Я думала, она его проглотит. Впрочем, он парень свободный. Но она-то ему зачем – кошёлка потасканная? Ты здесь, Валеева?

– Да, Жанна, – Оля тяжело вздохнула, – спасибо тебе! Отдыхай!

– Давай, до встречи! Как решишь за ум взяться, скажи. Я тебе помогу жизнь устроить. Про пальто не забудь!

Нажав отбой, Ольга запихнула телефон обратно в карман плаща. Оглядевшись, заметила скамейку. Села, подставив

лицо лучам весеннего солнца.

"Что я делаю? Зачем? Никогда не получится так, как мне хотелось..." – мысли роем носились в её голове, спотыкаясь и наскакивая друг на друга. "Милый, милый мой, Белецкий, свет ты мой в окошке. Как же ты мне нужен! И как не подхожу тебе я, не вписываюсь в твою жизнь. Где взять силы оставить тебя? Ещё бы немножко побыть с тобой..."

– Вам плохо? – женский голос вывел Ольгу из оцепенения.

Девушка распахнула глаза и тут же вытерла скопившиеся на ресницах слёзы.

– Солнце, – она нервно улыбнулась.

– Вы аккуратнее, у вас кожа фарфоровая, а весеннее солнышко жадное, – пожилая женщина в очаровательной шляпке поглаживала маленькую собачку на руках.

– Да, я немного разомлела, – Ольга сняла пакет со скамейки и поставила его рядом, освобождая место.

– Нет, нет, мы с Арнольдом гуляем. У нас утренний променад. Всего вам доброго!

Оля смотрела вслед женщине. Любовалась её стройной для почтенного возраста фигурой, уложенными на старый манер волосами и тонкими щиколотками. Вдруг вспомнила фотографии предков Артёма в тяжёлом бархатном альбоме. С картонных страниц, защищённых от света невесомой шёлковой бумагой, они величаво взирали на Ольгу Валееву. И в их глазах читался молчаливый укор: кто ты, и что делаешь здесь?

Завибрировал телефон. Девушка, не глядя, поднесла его к уху.

– Да, слушаю.

– Ольга Павловна? – женский голос был ей незнаком и звучал, словно издалека.

– Да, это я, – осторожно ответила Оля, ругая себя за невниманье и излишнюю торопливость.

– Валеева Ольга Павловна?

– Кто вы? – по спине Ольги пробежал холодок.

– Меня зовут Мария Николаевна Керр. Я адвокат.

Ольга с трудом сглотнула и спросила осипшим голосом:

– Хотите что-то заказать? Кто меня рекомендовал?

– О нет! – голос Керр был мягок и в то же время настойчив. – Скажите, имя Коробовой Валентины Семёновны вам о чём-нибудь говорит? Гражданка Коробова, проживавшая по адресу: город Чудов, – в трубке зашипело и защелкало. – Алло, вы слышите меня? Не пойму, кажется, что-то со связью! Перезвоните мне по этому номеру, пожалуйста! Я сейчас на трассе. Найдёте время для встречи? Алло! Меня слышно?

– Да, – выдавила из себя Ольга и вытерла взмокший лоб.

– Очень хорошо! – Керр почти кричала. – Было бы идеально, если бы вы подъехали к метро "Университет", сможете?

Девушка обречённо кивнула, затем спохватилась и ответила:

– Да.

Чудов, восемь лет назад

– Чёртова прорва! – Валентина в несколько глотков осушила стакан с пивом и стала грызть рыбий хребет, сплёвывая в ладонь мелкие кости.

На экране телевизора беззвучно шли новости, и было непонятно, к кому обращается Валентина: к племяннице или молчаливо заседавшим на экране депутатам.

– Где я напасусь денег на эти ваши походы, театры, кино? Не школа, а вертеп! Учат вас, учат, а толку нет! Вымахала – работать пора, а она всё книжки свои мусолит и тряпки перебирает. Что молчишь?

Оля, обхватив себя за острые локотки, стояла напротив тётки, опустив глаза в пол. Она сто раз уже пожалела о том, что спросила про этот злополучный поход в дом культуры, куда в кои-то веки приехала областная труппа. Знала ведь, что тётка всё равно не разрешит, а перемалывать это событие будет несколько недель. И дело было даже не в деньгах. Валентина, директор самого популярного в их городе ресторана «Огонёк», могла позволить себе не просто билет в театр, а труппу целиком для индивидуальных недельных гастролей. Вот только к пьесам Валентина Семёновна была абсолютно равнодушна, а из всех известных творческих личностей уважала только Есенина за его стихи «Не жалею, не зову, не плачу».

Тётка племянницу не любила и любить не пыталась. Это стало понятно сразу, но болезненных переживаний у Оли не вызвало. На людях всё выглядело безупречно. Тяжёлая рука Валентины опускалась на голову девочки, и речитативом неслись заезженные слезливые фразы, произнесённые надтреснутым хриплым голосом. «Кровиночка» и «сиротинушка» стояла рядом, испуганно вздрагивая, когда тётка хватала её за плечо и трясла из стороны в сторону, показывая, как она печётся и плачется о племяннице. Валентина Семёновна была единственной родственницей Ольги по отцу, которую она и не знала толком, пока не погибли её родители: ехали вечером с дачи на попутном грузовике в кузове, везли картошку. И не доехали. На скользкой после дождя дороге водитель не справился с управлением и вылетел в кювет. Той осенью Ольге исполнилось девять лет.

Жить девочка стала в двухкомнатной квартире Валентины, в маленьком тёмном закутке, размером с гардероб, с видом на стену хлебозавода. Что стало с квартирой родителей, Оля не знала и не спрашивала. Она вообще старалась лишний раз не беспокоить тётку. Небольшой чемодан с её одеждой перекочевал в старый шифоньер, а коробка со школьными принадлежностями на письменный стол. В коробке Оля нашла фотографии родителей и кое-какие мелочи, принадлежавшие им. Уже за одно это она была благодарна Валентине, а о большем и не просила. Всё лучше хоть с такой родней, чем в детском доме.

В школе её жалели какое-то время, а потом постепенно всё забылось, и девочка осталась наедине со своим горем. В провинциальных городках, где все всё про всех знают и готовы обсуждать и перемалывать любой случай или событие, выходящие за рамки обыденности, сложно жить таким натурам как Оленька Валеева. Многие считали своим долгом, жадно заглядывая в глаза, спросить: каково ей бедной и несчастной теперь без родителей? А потом, горестно вздыхая, посмаковать подробности той аварии и похорон, которые она плохо помнила.

Оля старалась избегать подобных встреч и разговоров. Друзей приводить в гости тётка не разрешала, поэтому общение со сверстниками ограничивалось школой и дорогой через общий двор. Валентина нагружала племянницу работой по дому, благо, готовить почти не приходилось. Продукты Валентина Семёновна приносила из ресторана. Уборка, стирка и глажка Олю не раздражали. Быстро сделала – и свободна для любимого занятия. Девочка пристрастилась к шитью и со временем привела в порядок весь гардероб тётки.

Валентина приходила поздно и, как правило, подшофе. Громко разговаривала сама с собой, роняла мебель, будила Олю. Минут десять отчитывала в воспитательных целях. Потом вдруг начинала петь или рыдать. Девочка никогда не могла предугадать развития событий. Тихонечко уговаривая, Оля убеждала родственницу лечь на широкую тахту, а потом долго мучилась в попытках уснуть под басовитый, со-

всем не женский, храп. За несколько лет Оля почти привыкла к такому ходу вещей. Она не обижалась на тётку. Даже жалела.

Она была просто маленькой девочкой. Глупым наивным ребёнком.

– Господи, какой же я была душой! Идиотка... – Ольга поднималась по лестнице в надежде, что Артём ещё спит и не увидит её в таком состоянии. Нужно было побыть одной, собраться с мыслями и силами. Всё взвесить, принять решение, смириться с будущими потерями...

Восемь лет! Восемь грёбанных лет Ольга пыталась жить так, чтобы никто и ничто не напоминали ей о прошлом. Ведь она никому ничего не должна. Она пыталась всё забыть. Она простила всех. Всех, но не себя.

– Лёлька, это ты? – из-за приоткрытой двери в ванную было слышно фыркание Артёма и шум воды.

– Я! Зачем ты встал? Рано ещё! – Ольга взглянула на своё отражение в зеркале и попыталась улыбнуться. Губы искривились, сделав лицо ещё более измученным. Даже волосы, которые утром ещё лежали блестящей волной, сейчас висели унылой паклей.

По полу зашлёпали босые ноги, и Артём, с полотенцем на бёдрах, выглянул в коридор. Подставив небритую щёку для поцелуя, он, казалось, не обратил никакого внимания на несчастный вид Ольги.

– Хорошо, что ты быстро пришла! Тут такое дело... – парень вернулся в ванную комнату. Завибрировала электрическая бритва. Артём повысил голос, – звонили родители! Вчера вернулись из поездки. Хотят сегодня навестить меня. – Я подумал, что раз ты здесь...

Ольга коротко вздохнула и перебила Белецкого:

– Я всё понимаю! Тебе совершенно не о чем беспокоиться! Борщ в холодильнике, в пакете свежий хлеб и овощи, – девушка положила ключи от квартиры на столик и с грустью взглянула на мокрый след от ноги Артёма. – Я сметану забыла купить! – тихо прикрыв за собой входную дверь, она пулей понеслась вниз по широкой каменной лестнице, давясь подступившими к горлу рыданиями.

«Вот и всё, вот и всё», – шумело в висках.

По дороге к метро Ольга достала телефон и набрала номер адвоката Керр.

– Я освободилась и скоро поеду к вам. Где мы встретимся? – получив инструкции, девушка вытерла слёзы.

«Я освободилась. Нет не так – я освободила его. Это правильно. Он не должен оправдываться ни перед родителями, ни передо мной. Он самый лучший!»

На экране телефона высветился вызов от «Любимого». Ольга остановилась как вкопанная. Нажав сброс, она заблокировала Белецкого и засунула телефон подальше в сумочку. Удалять контакт не было никаких человеческих сил. Но рано или поздно ей придётся это сделать.

– Какая Вы хорошенькая, как куколка! – Керр, разглядывая Ольгу, улыбалась абсолютно искренне. – Простите, не сдержалась, – она протянула пухлую тёплую руку для приветствия. – Всегда восхищаюсь, когда вижу красивого человека!

– Как вы меня нашли? – Ольга, поёжившись, огляделась. Слова адвоката не произвели на неё никакого впечатления. Наоборот, она словно ещё больше сжалась, надеясь стать как можно менее заметной.

– Мой офис здесь недалеко. Машину пришлось оставить в квартале отсюда. Вас не затруднит немного прогуляться? – Керр, плавно развернувшись, сделала несколько шагов вперёд.

"Пятьдесят второй размер, – автоматически пронеслось в голове у Ольги, – и цвет абсолютно не её. Хотя пальто сидит неплохо, учитывая параметры фигуры".

– ...не часто приходится бывать в таких местах, как Чудов.

Ольга вздрогнула, поняв, что совершенно не слушает Керр. Она прибавила шаг и, поравнявшись с женщиной, извинилась.

– Я задумалась. Так что вы от меня хотели? Странно, выходной день, а вы на работе.

– И не говорите! Стоит только открыть собственное дело, как не остаётся никакого времени ни на личную жизнь, ни на отдых. Хотя большинство тешит себя иллюзиями, что, не завися от нанимателя, ты обретаешь абсолютную свободу.

Они вошли в серое офисное здание, где на третьем этаже разместился небольшой уютный кабинет Керр. Ольга обратила внимание на уставленный цветами подоконник и удобные мягкие кресла. На рабочем столе, кроме стационарного компьютера, стояла плетёная корзинка с конфетами и бисквитами в бумажных упаковках. Мария Николаевна сняла пальто и нажала на кнопку электрического чайника. Затем приоткрыла окно, впустив в комнату струю свежего воздуха вперемешку с птичьими трелями.

– Присаживайтесь, Ольга Павловна, почувствуйте себя как дома! Вы какой чай предпочитаете? – Керр выставила на стол квадратную жестяную коробку с коллекцией чайных саше.

Ольга, засунув руки в карманы плаща, продолжала стоять в центре кабинета. Она не могла позволить этой уютной атмосфере и приятному голосу адвоката сбить её с толку. Девушка переминалась с ноги на ногу, ожидая, когда Керр прекратит церемонию и приступит к делу. Лишь встретившись глазами с несколько озадаченным взглядом Марии Николаевны, Ольга наконец заняла место в кресле, напротив.

– Я понимаю, всё это неожиданно, – Керр поставила коробку с чаем обратно в шкаф, – но, поверьте, дело действительно важное.

Ольга, выпрямив спину, сидела, плотно сжав губы.

– Паспорт у вас с собой? – Керр достала из портфеля несколько бумаг, упакованных в файлы, положила на стол.

Оля вынула паспорт из сумки, словно сомневаясь, но отдала его. Керр, пролистав, сверила данные с собственными записями.

– Очень хорошо, Ольга Павловна, благодарю, – паспорт переключался обратно. – Итак, начнём. Я пригласила вас для того, чтобы поставить в известность о смерти вашей родственницы – Коробовой Валентины Семёновны. Она скончалась почти полгода назад. И сроки принятия наследства скоро заканчиваются, – Керр подняла глаза на Ольгу. Что это – игра света, или губы, сидящей напротив девушки, тронула улыбка?

Ольга Валеева потёрла виски, и Керр снова восхитилась тонкими изящными кистями её рук.

– Вас искали. Вы получали извещения по месту регистрации?

Ольга подумала о Жанне. О том, что молодая актриса не читает ничего, кроме глянца и предлагаемых сценариев. И домой является с одной лишь целью – почистить потрёпанные в поездках и кутежах пёрышки. В её прихожей вечная гора корреспонденции и рекламы, сваленная на полке.

– Нет, – Ольга развела руками. – Как вы узнали мой номер телефона? И вообще, нашли меня? Какое имеете отношение к моей... – девушка запнулась, – тёте?

– Честно говоря, никакого, – голос Керр повеселел, – я же вам рассказывала: оказалась в Чудове совершенно случайно. По приглашению. Проводила семинар. Меня попросили помочь протолкнуть несколько дел, ведь сами понимаете – чем дальше от Москвы, тем меньше возможностей. Чисто бюрократическая проблема. Поверьте, я не использую своё служебное положение ради какой-то выгоды. Технически это не стоило мне абсолютно ничего. Лишь пара звонков правильным людям.

– Всё так просто? – на лице Ольге появилось недоверие.

– Наверное, всё-таки нет, если вы до сих пор не в курсе смерти вашей, на минуточку, единственной родственницы. В любом случае, – Керр скептически поджала губы, – своё дело я сделала. Вот, возьмите и ознакомьтесь. Это абсолютно ваше право: принимать наследство, отказываться от него, как-то реагировать или остаться в стороне. Но я бы посоветовала, – Мария Николаевна положила подбородок на скрещенные пальцы, – заняться как можно быстрее оформлением бумаг и войти в права собственности. Насколько я понимаю, вы давно уехали из родного города, но собственной жилплощадью не обзавелись. Поверьте, вы облегчите себе жизнь, обрета хоть какой-то уголок.

– Я могу сделать это, не приезжая в Чудов?

Керр удивилась и, облокотившись на стол пышной грудью, попыталась заглянуть в лицо собеседницы.

– Ольга Павловна, может быть, у вас что-нибудь случи-

лось, и вы сейчас слишком болезненно воспринимаете какие-то вещи? Не надо. Всё, что вам придётся сделать, это съездить в Чудов и пойти к нотариусу. К основному файлу приколот его номер и адрес. Не хотите жить в Чудове – ваше дело. Идите к риелтору иставляйте квартиру на продажу. Ваше присутствие в городе ограничится парой дней. Вы, конечно, можете нанять адвоката в качестве представителя, но это совсем другие деньги. И, собственно, почему я должна вас уговаривать?

Ольга приняла из рук Керр бумаги и печально посмотрела на неё.

– Вы правы. Просто это так неожиданно. Мы не общались с тётей. Я совсем не думала о том, что так случится. Сделаю, как вы говорите. Просто, – девушка облизала пересохшие губы, – мне немного не по себе.

– Понимаю, – Мария Николаевна кивнула, – все проходят через потерю близких людей и родственников. Вы справитесь.

Ольга свернула папку трубочкой и сунула её в сумку.

– Всего доброго, Мария Николаевна.

– Всех благ, Ольга Павловна! Чайку точно не выпьете? – Керр вышла из-за стола и направилась к чайнику.

– Нет, благодарю, – Ольга коротко кивнула и вышла из кабинета.

Мария Керр молча стояла у двери, прислушиваясь к удаляющимся шагам в коридоре.

Покинув офис адвоката, Ольга направилась к метро. У театра Сац она присела на скамейку и достала папку. Мария Керр права. Не стоит так болезненно реагировать. Всё в прошлом. За восемь лет много воды утекло. Есть вероятность решить для себя эту проблему раз и навсегда, покончить с призраками, отравляющими жизнь. Уговаривая себя таким образом, девушка заказала билет. Стоило поторопиться, чтобы успеть собрать необходимые вещи и прибыть на вокзал вовремя.

Ольга усмехнулась своим мыслям. Каким же странным образом Вселенная отозвалась на её запрос! Стоило только поддаться уговорам совести оставить Белецкого, как для этого тут же организовались возможности. Что ж, попроси теперь у этой же Вселенной сил на разрешение ещё одной проблемы. Не всю же жизнь нести в душе эту боль. Пришло время посмотреть в лицо собственному страху. Или окончательно погибнуть.

Разве можно не любить город, в котором родился и вырос? Что делать, если возникает непреодолимое желание вычеркнуть его из своей жизни и стереть любое упоминание о нём? Как объяснить этот страх и гнетущее ощущение надвигающейся беды, мощной как снежная лавина, готовой стереть тебя с лица земли, не оставив ни малейшего следа? Инстинкт самосохранения вопит во всё горло остаться, не зате-

вать ничего того, что столкнёт тебя заново с этой разрушительной силой. А ты слышишь лишь тоненький голосок своей души и веришь в то, что стала достаточно смелой, чтобы вновь встретиться со своими призраками.

Семь часов пути. Из них последние полтора за окном только лес. Наконец Ольга разглядела сквозь стекло вагона ряды полуразрушенных сараюшек, оставшихся после сноса частного сектора. Раньше здесь была деревня, название которой Оля не помнила. Через пару километров показалось здание вокзала, откуда восемь лет назад она уезжала в новую жизнь, обещав себе никогда не возвращаться.

– Чудов! Стоянка три минуты, – проводница устало взглянула на Ольгу, – готовьтесь.

Девушка подхватила дорожную сумку и вышла в коридор. Гудок паровоза предупредил о прибытии. Вагон несколько раз качнуло, прежде чем раздался скрежет тормозов. Проводница открыла дверь тамбура. Из него пахло сыростью и застарелым запахом табака. Небольшое здание вокзала просматривалось насквозь в голубоватом мерцании люминесцентных ламп. Как только движение полностью прекратилось, проводница открыла дверь и выставила лестницу.

– Спасибо, – Ольга подтянула сумку повыше и стала спускаться, – всего доброго!

– И вам не хворать! – проводница поёжилась.

Ольга затянула потуже ремень плаща и накинула на голову шарф. Её слегка покачивало. С лязганьем поднялись

ступеньки, поезд быстро набрал скорость. Оля с сожалением проводила его глазами, словно не желая отпускать. На часах почти полночь.

Воздух слишком холодный, шаги слишком громкие, нежелание быть здесь слишком сильное.

Ольга подошла к дверям вокзала и положила ладонь на дерево ручки. Девушка не помнила, была ли эта ручка такой же гладкой восемь лет назад, но её цвет, а вернее – отсутствие определённого цвета ещё тогда отложилось в памяти. В центре зала стояли три ряда новых металлических кресел с прямыми спинками и сетчатыми сидениями. Раньше на их месте были деревянные скамьи медового оттенка с отшлифованными до черноты подлокотниками. На этих скамьях удобно было сидеть и лежать, а ещё вырезать перочинным ножиком разные слова и рисунки.

Ольга подошла к закрытому окошку кассы и сбоку от него, под несколькими слоями штукатурки, разглядела слово «прости». Ей даже на короткое мгновение показалось, что крупинки краски осыпаются сейчас на пол, как тогда, когда она выцарапывала буквы невидимкой.

Оля помотала головой, избавляясь от наваждения. Шарф сполз с густых светлых волос, и девушка заправила прядь за ухо. Ключ от квартиры тётки лежал в кармане. Пару раз Ольга натыкалась на него и тут же одёргивала руку, словно внутри притаилась змея. Он так и провалился все эти годы на дне рюкзака, с которым Оля уезжала из Чудова.

«Что ж, если он не подойдёт, переночую в гостинице».

Через несколько сотен метров от вокзала Ольга пожалела, что не вызвала такси. Фонари горели через один, фантазия услужливо подкидывала сюжеты один страшнее другого, непонятные шорохи внутри тёмных дворов. Но идти оставалось совсем немного. Она уже видела нужную пятиэтажку. Ольга прибавила шаг.

– Господи, неужели дошла! – пробормотала девушка, водрузив сумку на скамейку около подъезда.

– Если б знал, что приедешь, встретил бы!

Ольга вздрогнула от неожиданности и подняла голову. На балконе второго этажа курил её сосед и друг детства Сергей Мезенцев. Огонёк сигареты то поднимался, то опускался, вспыхивая и шипя. В сумерках невозможно было полностью разглядеть лица Мезенцева, но голос его совсем не изменился за эти годы.

– Здравствуй, Серёжа!

– Привет. Вот уж кого не ждали.

– Сама в шоке! – Оля не шутила.

– Три, пять, семь, – Сергей продиктовал код и выбросил сигарету, – нажимай и дёргай. Увидимся?

– Конечно, – Ольга улыбнулась.

Нервозность немного отпустила её, уступив место усталости. Девушка вошла в подъезд. Автоматически включился свет. Ольга остановилась перед дверью и выдохнула, встав-

ляя ключ в скважину. Он вошёл легко, словно делал это на протяжении долгих лет изо дня в день по несколько раз. Щёлкнул замок. Оля оказалась внутри квартиры, стянула шарф с шеи и перевела дыхание. В тишине со скрипом открылась створка шкафа.

В квартире было душно, пахло пылью и старыми газетами. Стопки пожелтевшей макулатуры под шифоньером, в туалете, в ванной, под кухонным столом и на подоконниках. Ольга провела пальцем по серой поверхности зеркала, оставив завиток буквы «О». Села на старенький диван в своей бывшей комнате. Застиранный плед со спутанной бахромой, из которой в детстве Оля плела косички, лежал сложенным в ногах. Девушка взяла его в руки и уткнулась носом в старую ткань. Где-то недалеко сработала сигнализация, но, квакнув несколько раз, затихла. Оля с облегчением скинула обувь. Вытянулась на диване, подложив под голову локоть, и закрыла глаза.

...— Ого, какая Снегурочка! Как раз для тебя, Морозов!
Мужчины громко хохотали. Ольга в растерянности смотрела на эти раскрасневшиеся лица и комкала в руках край клеёнчатого фартука, который был слишком велик для неё. После того, как один из них стащил с неё косынку, девушка попыталась хоть как-то прибрать белокурые кудри в пучок. Но они не слушались её и постоянно падали на лицо и плечи.

Он один не смеялся. Жадно смотрел на неё, и шрам на его смуглой щетинистой щеке подрагивал от нетерпения.

Ольгу пугали и этот взгляд, и этот шрам. Они не предвещали ничего хорошего. И, как назло, Маринка и Валентина куда-то запропастились! Впрочем, Роману Морозову никто не указ. Всё окружение пресмыкается перед ним, подбострастно заглядывает в глаза, ловит каждое слово. Все хотят понравиться Деду Морозу...

Ольга открыла глаза.

Рука затекла, поэтому пришлось несколько минут лежать, глядя в потолок, пока не восстановилось кровообращение. Увиденное не радовало: ремонта за восемь лет здесь точно не было. Искать бригаду, закупать материалы, тратить приличные деньги для того, чтобы привести квартиру в боже-ский вид? Остаться в Чудове на неопределённое время, чтобы контролировать работу? Новые хозяева всё равно переделают на свой лад, так что надо просто не обращать внимания на старые обои и облупившийся потолок.

Воскресенье. Восемь утра. За окном тихо. Да, это не Москва.

Ольга потянулась, зевнула и поплелась в ванную. Кран выдал целую увертюру, прежде чем разразился гневным кашлем и брызгающей ржавой струёй. Оставив водопровод прочищаться естественным образом, Оля втащила дорожную сумку в свою комнату и не спеша разобрала. С жадностью выпила остатки воды из пластиковой бутылки. В шифоньере валялись какие-то тряпки, рваный носок и слипшийся, со следами моли, шарф. Ольга покидала всё в пакет, но свои вещи оставила на диване. Перетаскав поближе к порогу стопки газет, несколько грязных банок из-под дивана, пару пивных бутылок и мелкий хлам из ящиков письменного сто-

ла, она с удивительным спокойствием констатировала, что в доме не осталось ни единой вещи, которая бы принадлежала ей раньше. словно Оля и не жила здесь никогда.

Что ж, тётка Валентина была всегда последовательна в действиях и, после побега племянницы, стёрла любое напоминание о ней.

Кухня тоже выглядела удручающе. Ольга обвела глазами засаленные шкафчики, стол, поверхность которого украшали чёрные круги от горячей сковородки и жирные пятна. Холодильника не было.

– Да почему всё так-то? – пробормотала в недоумении Ольга и покачала головой. Она заставила себя подойти к дверям «залы», как Валентина называла свою комнату. Вот уже полчаса Оля носилась туда-сюда, старательно избегая даже смотреть в эту сторону. Но, раз уж теперь она здесь хозяйка... Дверь распахнулась, негромко ударившись ручкой о стену. Ольга, набрав воздух в лёгкие, теперь с шумом выпустила его, добавив в конце неприличное слово. В комнате практически ничего не было, кроме кресла и колченогой телевизионной тумбы – без телевизора.

Исчезло всё: чешская стенка с горкой хрусталя, который Валентина обожала, ковры, техника, дорогие безделушки, которыми были уставлены поверхности полированного трельяжа и журнального столика. Сколько времени Ольга потратила в детстве, протирая куском марли от пыли бессчётное количество фарфоровых статуэток, хрустальных рюмок

и лебедей, золочёных ложек и керамических вазочек! И как же она их ненавидела за безвкусицу и желание вырваться из её маленьких рук. За разбитые вещи Ольге попадало этой же пыльной тряпкой по лицу.

Что ж, меньше мебели – меньше пыли. В этой непривычной пустоте Ольга вдруг почувствовала прилив бодрости. Чтобы вытеснить лезущие в голову мысли об Артёме, Ольга с удвоенным рвением принялась за уборку. Распахнув окна, она впустила в квартиру свежий воздух. В ход пошла «Белизна» трёхлетней давности, найденная под ванной, пригодились и полысевший веник с мусорным ведром. В телефон Ольга записывала всё, что ей потребуется купить в ближайшем магазине, а пока планировала вынести остатки былой роскоши на помойку.

Когда в дверь позвонили, Ольга как раз примерялась к горе пакетов, которая образовалась посреди коридора. Смахнув со лба прилипшую паутину, девушка открыла. Перед ней стояла молодая женщина в халате, ростом чуть выше Ольги, с оплывшими уже боками и невообразимым кульком пережжённых волос на макушке. Оля замерла, вглядываясь в смутно знакомые черты.

Гостья широко улыбнулась, сверкнув золотой нижней четвёркой и, чуть сдвинув Ольгу в сторону, прошла в коридор.

– Ну ничего себе ты тут наворотила!

– Булька? – Оля растерянно разглядывала бывшую одноклассницу. – Таня? Откуда? – она еле сдержалась, чтобы не

задать вопрос: «Что с тобой случилось?». Конечно, это было бы бестактно, но так и лезло на язык. В их классе Таня Булыкина слыла первой красавицей и модницей, а ещё обладала тяжёлой рукой, что увеличивало её шансы занимать это почётное место.

– Привет, привет, – Таня неспешно прошлась по комнатам и заглянула на кухню. – А я теперь не Булыкина, а Мезенцева.

– Ах, вот оно что, – Ольга сдержанно улыбнулась, – поздравляю.

– Сын скоро в школу пойдёт, – Таня поправила причёску перед зеркалом и сквозь него оглядела Ольгу, – А ты, походу, не рожала ещё?

– Нет, – Оля развела руками.

– Ладно, Валеева, будет и на твоей улице праздник, – Таня, почувствовав превосходство, заметно повеселела. – Как видишь, – она обвела пространство руками, – тут кроме стен ничего не осталось. Всё пропила твоя тётка Валя. Как здоровья на столько лет хватило? Я с Серёгой шесть лет живу, насмотрелась.

Ольге хотелось о многом расспросить Бульку, но в дверь что-то толкнулось и забарабанило по ручке. Оля открыла.

На пороге стоял вихрастый мальчишка в обрезанных ниже колен джинсах. Шмыгнув носом, он по-хозяйски прошёл в коридор и неожиданным баском процедил:

– Ты что так долго? Отец зовёт.

– Мужик растёт! – Татьяна с гордостью посмотрела на сына. – Иди, Вовка. Сейчас я.

Парнишка вразвалочку зашагал обратно.

– Пойду кормить своих мужиков! Слушай, я чего зашла. Столько лет не виделись, – Булька снова придиричиво оглядела Ольгу, – интересно ведь. Серёга предлагает в бар сходить – посидеть, поговорить. Я Вовку к матери отправлю. Ты как? Согласна?

В голосе Бульки звучали просительные нотки. При всём нежелании Ольги афишировать своё появление в Чудове, ей было понятно стремление бывшей одноклассницы выбраться из дома.

– Хорошо. Только ненадолго.

– Отлично! Тогда давай часиков в семь? В центре погуляем. Соскучилась, небось? – Булька подмигнула. – Форма одежды парадная!

Ольга закрыла дверь и задумалась. Поведение Бульки было абсолютно нормальным. Нормальным в рамках их давнего знакомства и этикета города Чудова. Ольга искала скрытый смысл в её словах и не находила. Девушка прислушалась к себе. Не раздастся ли тревожный звонок или укол страха. Кажется, действительно, всё было спокойно.

– Значит, действуем по плану. Завтра нотариус, – бурча под нос, Ольга подхватила два пакета с мусором, – послезавтра на кладбище. Если всё успею, во вторник домой поеду.

При слове «домой» у Ольги сжалось сердце, и задрожали

руки. Её дом был рядом с Белецким. Но она сделала выбор. Так будет лучше всем. А её одиночество – это расплата за прошлое.

Без пяти семь Оля поднялась на второй этаж к квартире Мезенцевых. Наряжаться девушка даже не думала: классические голубые «левайсы», бежевый свитер, кроссовки. Нет ничего исключительного в походе в городское кафе. Чем незаметнее, тем лучше.

У двери девушка замерла, разглядывая коричневую обивку.

Когда-то Сергей очень нравился Ольге. Это была юношеская влюблённость в старшеклассника, и стоило ли сейчас это вспоминать? Тогда один его взгляд заставлял сердце Ольги биться сильнее. Что было бы, если бы Мезенцев ответил на чувства Оли? Встал бы он на её сторону? А она была бы откровенной с ним?

Ольга покачала головой. Вот опять она анализирует чужие поступки, вместо того чтобы строить собственную оборону. Хватит! Надо закончить свои дела здесь и уехать как можно быстрее. Внутренний голос заткнётся когда-нибудь сам собой. Ведь она ни в чём не виновата.

«Давай, уговаривай себя...»

Нажав кнопку звонка, Оля услышала голос Бульки из-за двери:

– Я скоро! Подожди!

Зашла в тёмный узкий коридор. Справа вешалка с горой

верхней одежды. Слева куча обуви. В глубине квартиры шумит фен. Ольга потопталась на войлочном коврикe и заглянула в большую комнату, вход в которую находился рядом. В глаза сразу бросился большой ковёр на полу. Рисунок его напомнил Ольге творение узбекских мастеров из тёткиной комнаты. Хрустальная настольная ладья, полная конфет, тоже была смутно знакомой.

Ольга отступила назад к двери, когда появилась Таня. Оранжевое платье в обтяжку, высокий каблук, облако начёса вокруг вечернего макияжа. Да, это была Булька в образе. И это пугало.

Прикрыв дверь в большую комнату, Таня стала оттеснять Ольгу к выходу.

– Ах, это ты? Я думала, муж приехал. Мы бы за тобой зашли, не стоило подниматься! Серёжа Вовку матери повёз.

Они спустились вниз. Оля постоянно оборачивалась, слыша стук Булькиных каблучков. Казалось, что вот-вот и она с них свалится. Но одноклассница чувствовала себя более чем уверенно.

Сергей протирает стёкла серого «Форд-фокуса» и, когда дверь подъезда открылась, обернулся. Что-то промелькнуло в его глазах. Оля поздоровалась. Сев на заднее сидение, прильнула к окну.

– Сначала в центр, – Булька уселась поудобнее, – посмотришь, как город привели в порядок к 9 мая. Салют был. Ты надолго? На недельку?

– Я подумаю, – Ольга решила не делиться своими планами.

– Где сейчас живёшь-то? – Сергей наблюдал за Ольгой в салонное зеркало.

– В Подмоскovie, работаю в ателье. А вы чем занимаетесь?

– Я в бухгалтерию устроилась на швейном комбинате, а Серёжа мой – в полицию. Он на хорошем счету у Макарова! Старшего лейтенанта получил! Вот, понимаешь, – не унималась Булька, – и городок-то у нас маленький – все друг друга знают. А, поди ж ты, случаются всякие непонятные вещи. Ты, конечно, ничего не знаешь, тебе наша жизнь не интересна. Оно и понятно, я бы тоже не заморачивалась, если бы поближе к столице уехала. Вы там привычные ко всему. Тем более, к таким делам.

– К каким? – Оля разглядывала знакомые с детства улицы и здания.

Сергей ехал не спеша, словно проводил экскурсию.

Таня достала помаду и стала красить губы, глядя в маленькое карманное зеркальце.

– Девчонки в городе пропадают. Может, маньяк появился?

– Не говори ерунды! – Мезенцев поморщился.

– Ну конечно! – Булька гневно взглянула на мужа. – Сколько у вас этих заявлений лежит уже? А? Девки приезжают из окрестных деревень к нам на работу устраиваться, –

продолжила объяснять Таня, – кто-то потом возвращается в область или ещё куда, а кто и в Чудове остаётся. Районный центр, как-никак. Как пить дать, маньяк их похищает.

– Тань, успокойся! Смотри, Ольку запугала, она вся белая, – в глазах Мезенцева появилась усмешка.

«Форд» оставили на стоянке около универмага, напротив городской площади. Оля вышла первой, за ней супруги Мезенцевы.

– Городской парк до ума довели, всё почистили, покрасили. Скоро кинотеатр отреставрируют, – не останавливалась Булька. – Мэр у нас мужик толковый. Да и народ требовательнее стал. Все хотят знать, куда народные деньги расходуются.

Ольга смотрела на большие листовки с фотографиями, которыми была оклеена доска на стене универмага. Булька встала рядом и щёлкнула пальцем по одной из них.

– О, красавцы! Предвыборная кампания! Кого-то ты, наверное, помнишь? Тищенко, Гуциев. Впрочем, вряд ли. Ты когда уехала? Сразу после окончания школы?

– Да, – глухо ответила Ольга.

– А, ну может быть. Я не помню. Пойдём? – Булька дёрнула за рукав застывшую Ольгу.

Сергей выбросил сигарету и подошёл к ним. Через десять минут они уже сидели за столиком в кафе «Рандеву», расположенного на территории городского рынка.

– Пивка? Или сразу водочки? – Булька потёрла ладони и

взглянула на мужа. — Возьму ещё салатик и горячее, — глаза Тани возбуждённо горели. — И танцевать буду! — заявила она грозно Сергею. Тот лишь закатил глаза в ответ.

Их столик находился в начале зала и в стороне от танцпола, что устраивало Ольгу, но не понравилось Бульке. Она сетовала, что поздно пришли, не видно других гостей, а высокая искусственная пальма рядом с их столом закрывает Булькину красоту от присутствующих. Сошлись на том, что пальму отодвинули, а Таня села лицом к центру зала.

Ольга заказала бокал пива и, поддавшись уговорам одноклассницы, салат «Цезарь» в надежде не отравиться. Мезенцевы, видимо знавшие местную кухню, разошлись не на шутку. Несмотря на воскресный вечер накануне рабочей недели, народу в кафе набилось плотно. Все столы оказались заняты, а к девяти часам под громкую музыку гости ритмично задёргались на площадке, освещённой шаром из зеркальных треугольников. После второй рюмки Булька уже притоптывала под столом и трясла полными плечами. Указывая вилок на того или другого знакомого, Таня кратко представляла их Ольге, награждая хлёсткими эпитетами и заливаясь при этом визгливым смехом.

Мезенцев же, наоборот, всё больше молчал. Не дожидаясь тоста, опрокинул в себя пару рюмок. Оля несколько раз ловила на себе его пристальный взгляд, но в ответ только улыбалась уголками губ. «Цезарь» оказался пресным, но вполне съедобным. От большого количества людей в зале и отсут-

ствия кондиционера воздух скоро стал плотным и густым, смешавшись с запахами кухни и разгорячённых тел. Музыка перестала разделяться на отдельные мелодии и отдавалась в ушах тяжёлым «бум, бум». Оля приподняла кудри, чтобы чуть охладить шею, пожалев, что не сделала высокий хвост.

– Я выйду на пять минут! – прокричала она Бульке в ухо.

– Хорошо! – Таня кивнула. – Только никуда не уходи одна!

Вернёшься, пойдём танцевать!

«Это вряд ли», – подумала Оля, выбираясь из-за стола.

На крыльце и около него стояли люди. Курили, смеялись, выясняли отношения. Оля отошла подальше и встала у стены, глядя на освещённый фонарями парк.

– Куришь?

Не заметила, как подошёл Сергей и встал рядом, коснувшись её плечом.

– Нет, – Оля посторонилась.

Мезенцев достал сигарету, прикурил, выпустил из ноздрей густое облако дыма.

– Красивая стала.

– Что? – Девушка удивлённо вскинула брови. – Не говори ерунды.

Мезенцев усмехнулся.

– Да понятно – что мы теперь тебе? Так, пустое место. Не стоим внимания, – в голосе Сергея появилась неприятная язвительность.

– Я совсем так не думаю, – Оля взглянула в сторону

крыльца. – Пойдём обратно, Булька будет нас искать.

– Не будет, – сигарета прорисовала в воздухе кривую линию, – я велел ей ждать за столиком. Она у меня баба послушная. А у тебя есть кто-нибудь? Ну, любимый человек типа...

Оля молчала.

Сергей истолковал её молчание по-своему.

– Не хочешь, не говори. Я же понимаю, что не замужем. Но бабе без мужика нельзя. Опасно. Кстати! – Мезенцев качнулся. Ухватив Ольгу за предплечье, развернул в сторону слабо освещённого парка. Кисть с зажатой сигаретой замерла в опасной близости от её волос. – Видишь, кусты у дороги? Недалеко от главной аллеи?

– Да, – Оля скользнула взглядом по темнеющим контурам парка. Досадливо поморщилась от сигаретного дыма, лезущего в нос. Сейчас её волновало, как уговорить Сергея вернуться в кафе, и каким образом они доберутся до дома.

– Во-от, – Мезенцев икнул, – там её и нашли.

– Кого? – Девушка торопливо освободилась от объятий Сергея.

– Маринку. Маринку Шагину.

Чудов, восемь лет назад.

То лето обещало быть таким же жарким, как и прошлогоднее. Консультации, экзамены, выпускной – всё смешалось в густой липкий комок ожидания, страха, смутных надежд и возможных разочарований. Хотелось поделиться этим хоть с кем-нибудь, выплеснуть, готовую перелиться через край неуверенность. Почувствовать рядом плечо и поддержку. Но Оля Валеева понимала, что её вопросы останутся без ответа, окружавшие её люди заняты решением собственных проблем. Одного желания Оли – вырваться из этого плотного кокона – было мало. На протяжении нескольких лет этот кокон был её спасением от грубости и беспардонности, но в то же время он отрезал от неё возможно близких по духу людей, которые могли бы стать её друзьями.

Валентина решила, что Ольга должна поступить в местный техникум на бухгалтера. В попытке возразить Оля наткнулась только на злую ругань и упрёки. Девушка понимала, что уехать из города без денег она не сможет, но откуда их взять, решительно не представляла. Не кредит же брать? Да и не дадут его вчерашней школьнице.

Как только экзамены были сданы, тётка заявила, что на-

хлебники ей больше не нужны, и велела выходить работу. Так Оля стала посудомойкой в ресторане «Огонёк».

Никогда до этого девушка не посещала подобные заведения. Выпускной отмечали в школьной столовой. Большинство одноклассников это, естественно, не понравилось. Некоторые ушли через час после выдачи аттестатов, заранее договорившись отметить начало свободной жизни на квартирах или дачах со спиртным и подходящей для этого музыкой. Ольгу тоже звали, но она прекрасно понимала, что Валентина свернёт ей шею, узнав про самовольство. Поэтому ей пришлось довольствоваться компанией таких же неудачников, как она, и тех, кому в принципе было всё равно, где проводить время в присутствии родителей. Валентина получила грамоту за достойное воспитание Ольги из рук директора, и тут же отправилась по своим делам, строго наказав Оле вернуться домой в девять вечера.

«Огонёк» занимал самую выгодную позицию, находясь посередине между железнодорожным и автобусным вокзалом. Таким образом, днём ресторан обеспечивал себя транзитными пассажирами, а по вечерам и до глубокой ночи – желающими повеселиться и развлечься, коих в городе всегда было достаточно.

Попав в это злочное место, Оля, открыв рот, наблюдала за новой для неё жизнью. Теперь она круглосуточно находилась под наблюдением тётки, имея возможность уединиться лишь ночью в своей комнате. На работе Валентина племянницу не

щадила. Собственно, все её подчинённые летали как веники, выполняя поручения директора.

Кроме Оли в ресторане на постоянной основе работали: метрдотель Лаврик – важный пожилой дяденька с густыми седыми усами; повара Тоня и Люба, вечно переругивающиеся друг с другом; официантки Ирочка и Марина, и вторая посудомойка, женщина средних лет – Светлана Николаевна, с которой Оля менялась через день. Но Ольга ходила в «Огонёк» с тёткой почти без выходных, помогая официантам накрывать столы и иногда подменяя кого-нибудь из них.

Поначалу было очень трудно.

Натянув по самые плечи резиновые перчатки, Ольга воруила горы посуды в жестяном корыте, сходя с ума от влажного пара и жирных испарений. Казалось, конца и края не будет этому бесконечному потоку грязной утвари. Тарелки и бокалы бились. Тётка ругалась. Бесконечная круговерть вилок, ножей и ложек наводили на мрачные мысли. Лишь доведя до автоматизма свои действия, Оля смогла получить толику свободного времени.

Если Валентины не было на месте, Оля с удовольствием болтала с Лавриком или Ирочкой. С Мариной этот номер не проходил. Марина Шагина, местная звезда, высокая красивая брюнетка с длинными волосами и смуглой кожей, обладала при этом ещё и острым языком. Ей ничего не стоило отбрить подвыпившего клиента или ответить на придирки Валентины. Такие перепалки случались время от времени, од-

нако Марина всегда оставалась при своём мнении. Оля понимала, что Марина для «Огонька» как яркая реклама. На неё приходили смотреть. С Ольгой за первую неделю Марина перекинулась разве что парой фраз, и то под плохое настроение. Оля не обижалась, просто старалась не попадаться ей под руку в зале или у служебного входа, где Марина, сидя на пластиковом стуле и скрестив умопомрачительные ноги, курила свои тонкие ментоловые сигареты.

С Ирочкой же, наоборот, было просто и легко. У Ирочки росли двое мальчишек, и не было мужа. На работе она отдыхала от дома, а дома от работы. Ирочке исполнилось 33, и её единственным желанием было выспаться. К Ольге она относилась по-свойски, иногда жалуясь, но чаще – поучая житейской мудрости. Попадая в смену с Ирочкой, Оля старалась как можно быстрее переделать текущую работу и хоть несколько минут поболтать и посплетничать. Разглядывая из-за бархатной портьеры посетителей, Оля слушала истории о тех, с кем Ирочка была знакома лично или была наслышана.

От неё же Оля узнала о том, кто на самом деле является владельцем «Огонька». Не то, чтобы Ольга не интересовалась этим, просто ей было достаточно того, что тётка директор и вся её жизнь подчинена только потребностям ресторана. Доход с него получался приличный, а для Валентины не было ничего важнее содержимого её кошелька.

В один из будних дней Валентина отпустила Олю домой после трёх часов дня, но девушка, не особо торопясь, помогла поварам рассортировать рыночные фрукты и овощи, несколько раз пересчитала скатерти и салфетки, а потом ждала Ирочку, когда та рассчитает клиентов бизнес-ланча. Ровно в три часа Лаврик повесил на дверь ресторана табличку «Спецобслуживание», а Ирочка, выпучив глаза, понеслась менять фартук. Наткнувшись в раздевалке на Ольгу, обрадовалась и попросила её о помощи.

– Стели скорее скатерть и расставляй приборы, – Ирочка выровняла по центру стол и провела полотенцем по сидениям и спинкам стульев. – Валентина сказала, втроём придут. Но ты запасной прибор тоже ставь. Вазу с цветами унеси – он не любит. Бокалы и рюмки хрустальные достань, они в кладовке, – Ирочка ловко управлялась с салфетками, складывая их в виде корабликов.

Оля прыснула в кулачок и хитро посмотрела на коллегу.

– Английского принца ждём?

Ирочка нахмурила брови, придирчиво разглядывая стол, и только потом ответила.

– Деда Мороза.

Оля пожала плечами, не оценив шутки. Через пару минут принесла хрусталь, внимательно оглядела каждую рюмку, расставила на одинаковом расстоянии друг от друга.

– Ну, не "Метрополь", конечно... А, всё равно не поймут. Зато выгнать за любую ерунду могут, – Ирочка нервничала.

– Да кто выгонит-то? Тётя Валя хорошо к тебе относится.

– Тётя Ва-а-ля, – передразнила Ирочка, – причём тут она? Я тебе толкую – хозяин сегодня придёт, Роман Морозов. Или ты не в курсе?

Оля отрицательно покрутила головой.

– Ну, ладно, – Ирочка поправила волосы под широким ободком, – иди спрячься за дверь, чтобы тебя никто не видел. А я, как накрою, к тебе приду. Всё, давай, давай, – она бросила полотенце в руки Оли и засеменила к дверям зала, за которыми уже слышались голоса.

Оля привычно спряталась за штору, следя за происходящим.

В зал вошли четверо мужчин. Ни одного из них девушка раньше не видела. Впрочем, она всегда уходила до девяти вечера, в то время как ресторан закрывался далеко за полночь.

Всем около тридцати. Двое в костюмах, один в форменной полицейской рубашке и четвёртый в простой белой футболке и джинсах.

Оля заметила, как выдохнула Ирочка, глядя на четвёртый прибор.

Мужчины расселись за столом. Тот, что в белой футболке, негромко разговаривал по телефону, остальные понимающе молчали.

Ирочка пронеслась мимо Ольги в сторону кухни и через минуту уже шла обратно, неся перед собой заставленный тарелками поднос с закусками. Шикнув на высунувшую нос

Ольгу, официантка тут же приклеила на лицо улыбку.

– Где Валентина? – мужчина в белой футболке ждал, когда Ирочка расставит блюда на столе.

– Просила извиниться. В налоговой задерживается.

– Марина не работает? – на его лице читалось раздражение.

– Будет вечером, Роман Борисович. После шести. Что-нибудь донести? Хлеба хватит?

– Иди уже, не мешайся! Горячее позже подашь, – Морозов потянулся, расправив руки, и бугры мышц заходили под тонкой хлопковой тканью.

Ирочка, стуча каблукками, направилась в сторону кухни. Вцепившись в край шторы, Оля разглядывала гостей сквозь образовавшийся зазор. Мужчины разлили спиртное по рюмкам, выпили.

– Готов слушать, – Морозов коротко взглянул на каждого из друзей.

– Мороз, ты моё мнение знаешь. Курочка по зёрнышку... – Один из «костюмов», импозантный, с хорошей стрижкой, блондин, нацепил на вилку кусок буженины и отправил его в рот. – Не надо сразу душить в людях прекрасные порывы. Насколько я понимаю, он пока ничего не предпринял. Так, повозмущался да руками помахал. Стоит ли за это наказывать?

– Я любого могу посадить на десять лет, и каждый будет знать за что! – хохотнул мент, развалившись на стуле.

– Макар, – блондин в ответ покачал головой и промокнул губы салфеткой, – пока мы пытаемся решить этот вопрос цивилизованно, не прибегая к твоим услугам. Вот и Григорий считает, что не надо перегибать палку, – он покосился на второй «костюм», молчаливо жуящий салат.

– Нет, Гера, если у тебя здесь личный интерес, ты просто скажи. Мы поймём, – Макар налил по второй всем присутствующим. – Мы всегда помогаем хорошим людям решать трудные вопросы. Нам это даже нравится.

Блондин замер, держа вилку на весу. Кашлянув, ответил:

– Я мыслю чисто стратегически. Ведь страна только из кризиса выходить начала. Чтобы развить малый бизнес, надо дать ему фору. На что-то прикрыть глаза, где-то поспособствовать...

– Ты не попутал, Гера? Не у себя в департаменте лекцию читаешь! – Макар опрокинул в себя водку и вытер рот тыльной стороной ладони. – Это ты народу, б., заливай свои лозунги! Меня эта долбаная информация нигде не трогает. Если ты за этого калеку фермера впрягаешься, то и отвечать будешь вместе с ним.

– Хватит!!! – Морозов стукнул по столу кулаком.

Посуда жалобно звякнула.

Оля от неожиданности дёрнулась, сорвав угол портьеры с кольца. Скукожившись, она замерла, стараясь даже не дышать.

Морозов, заметив движение, пристально посмотрел в

угол. Привстал.

– Давайте понаблюдаем за ним. В расход пустить всегда успеем, – молчавший до этого Григорий ослабил галстук. – Но предупредить надо. Правила для всех одинаковые. Или платишь, или...

Морозов снова сел и провёл ладонью по коротко стриженному затылку.

– Как же меня бесит вся эта болтовня. Моё мнение никогда не изменится! – он сжал кулак и показал его присутствующим. – Всё и всех надо держать под контролем. Вот здесь. И чтобы никто пикнуть не смел. Макар прав, у каждого есть верёвочка, за которую можно потянуть, и тогда... – он широко улыбнулся, обнажив крупные зубы. Шрам над верхней губой поплыл в сторону, исказив черты и превратив улыбку в оскал. – Я вас всех держу за верёвочки, други мои. Поэтому, не собачьтесь, – Морозов нетерпеливо постучал вилкой по тарелке. – Ирка! Неси обед!

Оля выглянула вглубь коридора. Ирочкин голос был слышен на кухне. Выждав пару минут, она выбралась из своего укрытия и на цыпочках направилась за ней.

– Эй, ты кто? Что здесь делаешь? – грубый окрик раздался за спиной Ольги и заставил её остановиться.

– Я здесь работаю, – развернувшись на пятках, девушка затянула потуже узел косынки под собранными в пучок волосами и посмотрела в глаза Морозову. – А вы меня отвлекаете!

Лицо Романа приобрело задумчивое выражение. Он медленно оглядел Ольгу с ног до головы, остановив взгляд на лице. Правая бровь чуть дрогнула. Губы приоткрылись.

– Роман Борисович, уже бегу! – Ирочка с трудом тащила поднос с большой супницей и глиняным горшком, в котором обычно подавали сметану. Аппетитный чесночный запах следовал за официанткой. – Пампушки к борщу ждала, простите, ради бога!

– Пампушки... – протянул Морозов, не сводя глаз с Ольги.

Оля же, воспользовавшись появлением Ирочки, спешно ретировалась в раздевалку. Что-то непонятное и неотвратимое разлилось в воздухе. Неприятная тяжесть давила на грудь, и невозможно было понять, что вызвало это чувство, заставляя тревожно замирать от каждого звука.

– Вот и славно, вроде всё понравилось, – Ирочка стянула с себя кофточку и кинула в пакет. – Уф, мокрая вся! И не пойму, то ли от беготни, то ли от нервов. Как вижу хозяина, в дрожь бросает. Ты почему домой не ушла?

Оля, переодевшись, расчёсывала волосы перед зеркалом.

– Да ну, Ир, не хочется. Скажи, а с ним, с Морозовым, что за люди приходили?

– Я только Стёпку Макарова хорошо знаю, в параллельном классе со мной учился. Редкий гад, прости Господи! А теперь, видишь, в замах ходит у милицейского начальства.

Тищенко – блондинистый такой – из городской администрации. Года три назад приехал. С ним Гуциев, тоже приезжий, частенько рядом с мэром крутится. Да что тебе? Поменьше им на глаза попадайся, вот что я скажу. Когда власть с бандитами за одним столом водку пьёт, добра не жди.

На выходе из ресторана они столкнулись с Мариной. Оля замешкалась в дверях, поправляя туфлю, и тут же получила в бок от длинноволосой красавицы.

– Кыш, мелюзга! – Марина брезгливо поджала губы, когда Оля врезалась в стену.

Из «Рандеву» поехали на такси – это было непременно условием Ольги. Бульку сморило, она клевала носом на заднем сидении, и только ноги её периодически дёргались, продолжая танцевать. Сергей пьяным не выглядел. Ольга незаметно разглядывала его профиль и пыталась найти в его облике притягательность юношеских черт – всё то, что когда-то так манило её. Весь недолгий путь она вспоминала о том, как Сергей утешал её в подъезде после скандалов с Валентиной, помогал с уроками на лавочке у подъезда, снисходительно позволял идти рядом в школу и не позволял третировать школьным хулиганам. Высокий, сильный, спортивный – конечно, он не мог не нравиться. Что было бы, если... Оля вздохнула, на душе потеплело. Друг – это всегда хорошо, а друг детства особенно. Ей стало даже немного стыдно, что она не поддерживала отношения столько лет. Но в ту же секунду её сожаления рухнули, словно от удара: "Что ты несёшь? Размякла, растеклась! Соберись и будь осторожна!"

Выгрузив Татьяну, Мезенцев обернулся к Оле:

– Посидим у подъезда? Как в старые добрые времена.

– Да, – Ольга не сомневалась.

– Сейчас отправлю свою мадам в койку.

Булька, очнувшись, попыталась возразить, но Сергей, обхватив её за плечи, потащил наверх, в квартиру.

Оля села на лавочку и посмотрела на небо. Темно, тихо. С каждым днём ночи становились чуть теплее. Город спал. В редких окнах горел свет. Лёгкий ветерок коснулся щеки Ольги, и она почувствовала слабый, еле заметный аромат. Сирень...

Девушка глухо застонала, закрыв лицо руками. Из подъезда вышел Сергей. Сел рядом. Ольга отняла руки от лица и сложила их на коленях.

– Расскажи про Марину.

– А что там интересного? – Мезенцев потряс пачку, доставая сигарету. – Ночью шла пьяная. Машиной сбило.

– Марина не пила.

– А в тот день, значит, выпила. Тебе-то что? Сколько ты с ней работала? Думаешь, хорошо её знала?

– Нет, наверное. Но, мне казалось, – Оля аккуратно подбирала слова, – что она хотела уехать. Разве она не уехала из Чудова?

– Уезжала на пару лет, потом вернулась, – Сергей выпустил дым и поёжился. – Не замёрзла? – рука его заскользила по спине Ольги, прижимая к себе.

– Нет, нет, всё хорошо, – Оля отстранилась. – Расскажи, как ты сам? Вы с Булькой отлично смотрите. Сынок замечательный!

Мезенцев сплюнул и выстрелил окурком на газон.

– Так получилось. Я не планировал всё это. Танька нормальная баба, но... – всем телом развернулся к Оле. – Мо-

жет, если бы ты не уехала, а осталась... – взгляд Сергея стал тяжёлым. – Я смотрю на тебя и думаю: где ж я был? Почему не видел тебя? Такая тихая, маленькая беленькая мышка была, – голос Сергея чуть охрип, – прямо у меня под боком.

– Я давно выросла. И поверь, относилась к тебе всегда как к другу. Давай просто поговорим о чём-нибудь другом? Что там с пропавшими девушками? Всё действительно так, как говорит Булька?

Мезенцев сразу поскуchnел.

– Валеева, что тебя всё время на криминал тянет? Девушки её интересуют! Мало ли, что с ними произошло, тебе какая разница? – он предпринял новую попытку обнять Ольгу за талию. – Расскажи лучше, как у тебя с личной жизнью, с интимной? – пахло алкоголем.

Оля достала ключи.

– Спасибо за вечер, Серёж! Мне, наверное, пора. Иди к жене. Увидимся.

Закрыв за собой дверь квартиры, девушка прижалась к ней спиной и прислушалась. Минут через десять в подъезде раздались шаркающие шаги. Остановились у Ольгиной двери. Оле показалось, что она даже слышит дыхание Мезенцева. Ещё через несколько минут на втором этаже хлопнула дверь, и стало тихо.

Не включая свет, Оля прошлась по полупустым комнатам. Мозг лихорадочно работал. О том, чтобы лечь спать, нечего было и думать. С каждой минутой возбуждение Ольги рос-

ло. Все скудные обрывки информации, полученные за этот вечер, не складывались в одну картину. Но они же и не давали Ольге покоя, заставляя её искать выход для скопившейся внутри энергии.

Поставив на плиту чайник, Ольга потянулась в шкаф за чашкой. Зацепившись рукавом за угол пожелтевшей газеты, которой была покрыта полка, Оля вдруг поняла, что нужно сделать. Снова натянув кроссовки, она вышла из квартиры и быстро зашагала в сторону мусорных баков. Не обращая внимания на копошащихся внутри кошек (крыс?), остановилась и прислушалась. Оглядевшись, подхватила выброшенные накануне стопки старых газет и потащила их обратно. Пришлось вернуться ещё два раза. Затем обойти баки, на всякий случай, чтобы не оставить часть тёткиного «архива» утреннему мусоровозу.

Усевшись прямо на пол, Ольга распотрошила первую стопку. Стала раскладывать «Вестник Чудова» по годам, отмечая в сторону рекламные листки и квитанции.

Местная газета выходила раз в неделю, и уже через полтора часа на полу кухни образовалось несколько, примерно одинаковых, кучек. Олю интересовали последние три-четыре года. Девушка жалела, что не спросила Сергея о дате смерти Марины, но разговаривать с ним дольше в его состоянии было неудачной идеей. Оля не чувствовала ни обиды, ни претензий к нему. И мужчины, и женщины частенько ведут себя в подпитии не совсем адекватно.

Откинув зимние месяцы, сократила количество экземпляров «Вестника». Если она правильно поняла Мезенцева, то кусты в городском парке могли означать только кусты и ничего больше. Обычно зимой дороги в их городе заметно сужались из-за частых снегопадов и растущих вдоль бордюра сугробов, под которыми эти кусты были не видны и зимовали в холодные месяцы.

Ещё через полчаса в разделе криминальной хроники от 25 июля двухлетней давности Ольга нашла короткую заметку об обнаружении женского тела со следами наезда, которое было опознано как Марина Ш. Свидетелей наезда просили обратиться по телефонам местного отделения полиции.

Марина Шагина. Боясь потерять газету, Ольга для уверенности села на неё. Следующим этапом поиска стала информация о пропавших девушках. Для этого следовало заняться ещё двумя стоявшими отдельно стопками. Где-то в глубине души внезапно возник страх увидеть своё лицо под шапкой «Разыскивается», но ни одного упоминания о себе она не встретила. Ольга вздохнула. Чего в этом вздохе было больше – облегчения или грустного осознания ненужности? Этого бы никогда не случилось, будь её родители живы.

Чайник давно остыл, за окном светало. Для Ольги такие ночные бдения были в порядке вещей. Часто работа над интересным проектом, костюмом или платьем удерживала её в квартире по несколько дней, благо, в холодильнике всегда хранился приличный запас яблок, а в морозилке лежали па-

кеты с овощами.

Ольгу не смущало старенькое общежитие с микроскопическими комнатами во время учёбы в колледже, не пугала возникавшая время от времени финансовая кома, не напрягали пафосные однокурсники, приезжавшие на сессии в собственных автомобилях лишь для того, чтобы собрать подписи преподавателей за конверт с деньгами. Казалось, ничто не может выбить Ольгу из седла, и внешне жизнь её меньше всего напоминала драму, если бы не одно «но». Не проходило и дня, чтобы она не вздрагивала от гнетущих воспоминаний, и редкую ночь в последнее время во снах не посещал её образ Марины...

Ольга не могла себе внятно объяснить, почему пропавшие девушки так засели в её голове. Она просто чувствовала и знала то, что большинству было неизвестно. Знала и понимала: с ними могло произойти то же самое, что и с ней. Или почти то же самое. Но ведь она жива. А они?

Всего Ольга нашла четыре фотографии. Молодые, от 18 до 23 лет. Пропадали преимущественно летом, одна в начале сентября. Скупые строки – имя, возраст, во что были одеты, где их видели в последний раз. Никакой личной информации. Никакого последующего разъяснения. «Вести с полей», – говорила Валентина, используя «Вестник Чудова» в основном для разделки селёдки.

Половина пятого.

Завернувшись в покрывало, Ольга провалилась в недол-

гий предутренний сон. Спать в одежде на не разобранном диване стало входить в привычку, но её это уже не беспокоило. «Завтра куплю новые простыни, еду...» – мысли недолго ещё удерживали сознание, уступив место чёрно-белым фотографиям с плоскими малопривлекательными лицами, серым разводам от некачественной типографской краски на руках и костлявому хвосту селедки, который подрагивал, висая в воздухе.

Утром к нотариусу девушка шла с больной головой. Выпив таблетку анальгина, ждала, когда наконец отпустит. Большинство прохожих, судя по хмурым взглядам, ощущали себя примерно так же. Ольге пришлось спрашивать дорогу, чтобы найти нужный адрес.

Казалось, Чудов почти не изменился. Улицы были прежними, дома тоже. Но ни что из этого не вызывало у Ольги ни малейшего трепета внутри – голая выжженная равнина. Лишь скупое восприятие действительности – там школа, здесь магазин, если завернуть за угол – дорога к стадиону. Почти в каждом жилом доме вдоль проспекта первые этажи заняты коммерческой недвижимостью – салон красоты, «Аренда», аптека, опять «Аренда». Неумелые граффити на заборах и стенах, рваные объявления, предвыборные агитационные афиши с улыбающимися глянцевыми лицами. Весь путь Ольга натыкалась на эти улыбки и глаза, словно преследовавшие её. Скрипя зубами, она уткнулась в телефон и

считала шаги до места назначения. Не полегчало даже в приёмной нотариуса. Прямо напротив ровно стоявших стульев, на неё всё так же бодро и насмешливо глядели Тищенко и Гуциев.

Нотариус, серьёзная женщина в годах, долго изучала документы Ольги, затем дала ей список и отправила в ЗАГС для оформления нужных справок. Ни одной лишней фразы, ни одного заинтересованного взгляда. Ольга немного расслабилась. На выходе лишь уточнила, где находится учреждение.

ЗАГС, занимавший отреставрированный старинный купеческий особняк, смотрелся избушкой рядом с высоким, в семь этажей, недавно отстроенным зданием городской администрации. Проезжая мимо него накануне с Мезенцевыми, Оля краем глаза отметила герб и флаги над входом. На стоянке перед администрацией глянцево сверкали иномарки с карточками пропусков за лобовыми стёклами.

Решив срезать путь, Ольга шла по заасфальтированной площади. Обогнула шлагбаум. Не встретив возражений охранника, подошла к засаженной цветами клумбе. Присев на корточки, некоторое время разглядывала кустики примулы и бегонии. Она любила их: маленький балкон Белецкого был увешан горшками с этими радостными яркими растениями. Поразительно, но Артём сам ухаживал за ними. Подкармливал, опрыскивал, а на время поездок устанавливал целую гидросистему из ведра и длинных гибких трубок

из-под капельниц. Удивительный человек. Оля улыбнулась, нежно поглаживая бордовый бутон.

Широкие двери администрации распахнулись. Несколько мужчин в костюмах спускались вниз, по лестнице, оживлённо беседуя. Впереди них шёл телевизионщик, неся в руках штатив и видеокамеру.

Ольга поднялась с корточек и продолжила пересекать площадь. Чуть сбавив шаг, она равнодушно скользила взглядом по идущим мимо мужчинам, пока не встретила взглядом с Тищенко. Он тоже замедлил шаг, в его глазах промелькнуло узнавание. В этот момент Ольга, кажется, забыла, как дышать. Как будто в немом кино исчезли все звуки, а мир сузился до этого правильного, словно вылепленного скульптором лица и красивых изумрудных глаз. Но Ольга знала, в какую гримасу превращаются эти благородные черты, и как наливаются кровью белки вокруг зелёной радужки.

– Герман Анатольевич, вы поедете с главой администрации. По дороге обсудим парочку вопросов.

Короткий кивок чёткого профиля, жёсткий взгляд и прямая спина в идеально сидящем костюме. Каких-то пара секунд зрительной дуэли, незаметной для окружающих. Мгновение, всколыхнувшее всю грязь со дна воспоминаний.

Ольга шла, не чувствуя ног, её мутило. За спиной хлопали двери автомобилей и коротко, словно пробуя на вкус тональность и силу звука, резко взывали сигналки.

Новое кладбище находилось за городом. Из того страшного дня похорон родителей отчётливо запомнилась почему-то только дорога на погост. Оле казалось, что они будут вечно трястись в маленьком, насквозь продуваемом старом уазике. И было жутко от того, что она никогда не сможет сама добраться до родительских могил.

Раз в году, под Пасху, Валентина брала Олю, и они с кем-нибудь на машине ездили прибраться на кладбище. Казалось, все жители Чудова встречались там. Красили ограды и памятники, сажали цветы, сгребали мусор и ветки. Переговаривались, обсуждая житейские вопросы, часто выпивали тут же, поминая родственников, шикали на детей, таскающих конфеты и яблоки с чужих могил. В такие моменты горечь утраты немного притуплялась, уступая место тихой грусти. Жизнь и смерть словно договаривались о перемирии и наблюдали со стороны за копошащимися людьми. Как правило, погода благоволила. Снег, конечно, таял долго, между рядами скапливалась грязная вода, гравием посыпали только центральную аллею. Став старше, Оля уже ходила туда одна тогда, когда хотела, по пути забегая в маленькую церквушку на старом городском кладбище в черте города.

В час дня начался обеденный перерыв. Заказав справки,

Ольга вышла на улицу. Всё, чего она сейчас хотела, находилось приблизительно в трёх километрах от ЗАГСа. У неё не было с собой ни цветов, ни конфет, ни крестика на шее. Но так ли это было важно? Ольга шла быстро, не задумываясь о маршруте. Казалось, каждый час пребывания в Чудове смывал с неё столичный налёт слой за слоем, превращая опять в маленькую Оленьку Валееву.

Лёгкий пружинистый шаг, бьющая в такт движению по бедру сумка, шорох гравия под подошвами кроссовок: «ширх, ширх». Автомобили обдают тёплым пыльным воздухом. Смотреть вокруг не на что – лесопосадки, остовы бывших коровников и дачные домики. Разглядывать всё это не хотелось, перед глазами были совсем другие картинки. Ольгу неотступно преследовала мысль о том, что сейчас в голове у Тищенко после встречи с ней. Её-то голова просто разрывалась.

Размеры кладбища поражали. Ольга зашла в ворота и растерянно огляделась. Солнце, до этого жарившее совсем полетнему, скрылось за грядой мелких облачков, и ему на смену подул холодный ветер. Из-за деревянного домика охраны вышел мужичок, окинул девушку мимолётным взглядом и скрылся в дверях. Ольге стало гораздо спокойнее, когда она его увидела. Пройдя пять рядов, Оля повернула направо, читая надписи на памятниках. Память безошибочно вела девушку к нужному участку кладбища.

– Мама, папа, это я, – шепотом произнесла Ольга и сглот-

нула, почувствовав, как моментально выступили слёзы. Они жгли, но Оля, коротко выдохнув, сдержалась.

С трудом открыв калитку, вошла, утопая по щиколотку в молодой траве. Достав носовой платок, обтёрла овалы фотографий и только потом села на узенькую лавочку. Цветы на могилах давно выгорели. Ольга вытащила их из земли и сложила рядом вместе с побелевшими фантиками от конфет. Она молча сидела и смотрела на молодые лица родителей и пыталась вспомнить их голоса. Стая ворон галдела на берёзе в нескольких метрах от Ольги, деля что-то между собой. Опять выглянуло солнце, согревая замёрзшие плечи.

– Ой, Васенька, что же я натворила! Не доглядела...

Тонкий плачущий голос привлёк внимание Оли. Через несколько рядов, склонившись над чёрным гранитным памятником, рыдала женщина. Плечи её мелко тряслись, тёмный платок сполз с головы, зацепившись краем за простой гребень в седых волосах. Ольга тяжело вздохнула. Подобрав цветы, она выдернула ещё несколько стеблей колючего чертополоха, обмотав руку платком.

Выкинув мусор, Ольга вышла на центральную аллею. Где-то здесь лежат Валентина и Марина. Чтобы узнать это, следовало обратиться к мужичку в сторожке, и Ольга уже сделала шаг в его сторону, когда вновь обратила внимание на женщину. Та практически сползла на землю и сидела у основания памятника, уткнувшись лбом в холодный камень. Ольга направилась к ней, поддавшись внутреннему импуль-

су. Стараясь двигаться громче, чтобы не напугать, девушка, кашлянув, взялась за железный завиток ограды.

– Простите! Мне показалось, вам нехорошо? Извините, ради Бога! – Ольга прижала ладонь к груди, глядя на сгорбленную спину.

Женщина подняла голову, и Оля отшатнулась, увидев измождённое лицо с запавшими глазами. Она была готова к гневной отповеди или безразличному жесту, но губы женщины вдруг тронула еле заметная, печальная улыбка.

– Милая, спасибо, – женщина протянула руку, и Оля помогла ей встать. – С утра тут сижу, сил нет домой ехать. А надо.

– Я могу вас проводить. Хотите, такси вызову?

– Нет, что ты. Мне до остановки, там рейсовый ходит каждый час. В Апраксино мне.

– Хорошо, пойдёмте до остановки, – Ольга подхватила сумку женщины и свернула руку калачиком, чтобы та могла ухватиться за неё.

– К кому приходила-то? – глухо спросила женщина.

– К родителям.

– Да, беда... а я к мужу, – сухая, словно пергаментная, рука чуть сжала запястье Ольги. – Хожу вот, каюсь, – женщина помолчала. – Тебе сколько лет, касатка?

– Скоро двадцать четыре.

Они уже переходили дорогу, когда эхо донесло глухие звуки выстрелов. Ольга остановилась, как вкопанная. Но жен-

щина, не сбавляя шаг, тащила её за собой.

– Что ты, не пугайся, иди. Как оглашенные ездят, не зевай! – затем пояснила, – Солдатики тренируются на стрельбище. Из воинской части их возят. Что я спрашивала-то? Не помню. Ах да, моей Полинке в этом году 21 исполнится...

– Дочке? – Оля шла, пытаясь успокоить трепыхавшееся от выстрелов сердце.

До остановки оставалось пара сотен метров. По узкому дорожному бордюру они шли друг за другом, слегка отклоняясь в сторону, когда слышали шум автомобильного двигателя.

– Была сегодня опять в отделении. Говорят, что ищут. А найдут ли? – женщина словно разговаривала сама с собой, и Оле приходилось буквально наступать ей на пятки, чтобы не пропустить ни слова. – Я ведь жду её, надеюсь. Всё думаю, что же с ней случилось? Мне говорят, может, уехала. Надоела такая жизнь, и уехала. А куда ехать-то? Вся родня в Апраксино: бабка, брат. Она у меня спокойная, ласковая девочка, только и слышала от неё: «мамочка, мамуля».

Зашли под козырёк остановки, скрываясь от солнечных лучей. Женщина прибрала волосы и завязала платок.

– Что же произошло? – Оля старалась не разглядывать попутчицу слишком пристально и старательно отводила глаза.

Женщина подслеповато смотрела на изгиб дороги, откуда должен был появиться автобус.

– Кабы знать. Работала она здесь, в Чудове, в магазине по-

требкооперации. К нам в Апраксино ездила каждую неделю на все выходные. А тут позвонила. Говорит, ревизия. Сама, мол, не знаю, что да как, могу не приехать. Я и не волновалась, понятное дело. В Апраксино работы нет. Сын трактористом работает, слава Богу. Жениться собирается. А так-то парни уезжают. Что девчонке молодой сидеть при мне, чего ждать? Потом заведующая дозвонилась – где Полинка? – монотонный голос звучал всё глуше. – Стали искать. Фотографии в газете печатали, по радио объявляли. Осень наступила, зима... Мне говорят, ещё девочки пропадали. И до, и после. Я ведь всё понимаю, другим матерям тоже не сладко. Да вот как пережить? Знать бы только, что случилось. Если уж, – женщина коротко вздохнула, – то, по-человечески бы похоронить. Не жизнь это, мука одна...

Автобус раздвинул двери. Женщина взяла сумку и, не прощаясь, тяжело поднялась по ступенькам в салон. Ольга смотрела ей вслед, пока она не села на место у окна, опустив голову.

Обратно Ольга шла медленно, словно тащила на плечах неподъёмный груз. Неприметную вывеску магазина «Роспотребкооперация» она заметила на другой стороне от дороги только благодаря засевшему в голове разговору. Синего цвета, с облупившимися по краям углами, вывеска производила удручающее впечатление, равно как и само здание. Кирпичный одноэтажный магазин с обшарпанной дверью и неудобным выходом прямо на дорогу.

Девушка вошла, едва не споткнувшись о полустёртый деревянный порожек. Не увидев продавца, Ольга громко поздоровалась. Из недр заваленного коробками склада ей ответили, а через минуту появилась молодая женщина в сером застиранном рабочем халате.

– Что хотите? – она подошла к кассе и выжидающе посмотрела на Ольгу.

Оля растерялась, рассматривая полки, заставленные товарами китайского производства и тем, что когда-то выпускалось на заводах и фабриках Советского Союза. Повертев в руках фаянсовую вазочку с аляповатым рисунком на боку, девушка, наконец, ответила:

– Постельные комплекты есть у вас? Только, пожалуйста, хлопковый. Полуторку.

– Ну... – продавщица стала копаться на полке у себя за спиной. Перетасовав упаковки, словно карты в колоде, она обернулась к Ольге. – Я вам сейчас принесу отличный комплект со склада! Не успели выложить.

Через пять минут перед Ольгой на прилавке лежал тугой пластиковый кофр. Сквозь матовую обложку просвечивал рисунок – китайские иероглифы и ветки сакуры.

– Красиво, правда? – продавщица водила по пластику пальцем с ярким, в стразах, маникюром. – Дороже, конечно! Но, сами видите – качество!

– Хорошо. Дайте ещё пару полотенец на ваш вкус, – польстила она продавцу и, когда та переместилась к стопке с

махрой, спросила, – Полина у вас работала?

– Титова? – перед Олей легли на стол два розовых с вышивкой полотенец. – У нас.

– Вы хорошо её знали?

– А вам зачем? Вы кто?

– Мы учились вместе, – соврала Ольга, чувствуя, как краснеет. – Приехала, а тут такое...

– Да, вот так получилось. Я с ней в последний день работала. Считали ревизию, всё как обычно. На ночь решили не оставаться. Да и незачем было. У нас тут товар годами лежит, всё на учёте. Пыль сдунул, да галочку поставил. Полинка шустрая была. Всё пересчитала в течение недели в свои смены. Хотела вечером к своим уехать. Но мы всё равно допоздна проколупались. Около десяти вечера только закрылись.

– И пошли вместе домой?

– Нет. Она на остановке осталась. Там междугородние автобусы иногда останавливаются, подбирают.

– А...

– Я больше ничего не знаю. Честное слово. Полгода в полицию как на работу ходила. Все нервы истрепали.

За дверью магазина послышалась возня, затем внутрь вошли два молодых плечистых парня. Смерив Ольгу заинтересованным взглядом, один из них облокотился на прилавок и, перекатывая мощными челюстями жевательную резинку, подмигнул продавщице.

– Привет!

– Здравствуйте, здравствуйте, – женщина не удивилась. – Пять минут подожди, я девушку рассчитаю. Ну как, – она взглянула на Олю. – Берёте?

Ольга кивнула и полезла за кошельком.

– Пакет ещё дайте.

– Ну, крутись – вертись, нам ещё в три места надо! – парень выплюнул на ладонь комок жевательной резинки и прилепил его к внутренней стороне прилавка.

– Семь? – продавщица достала из-под кассы бумажный конверт.

– Ага, – парень широко зевнул, обдав присутствующих запахом пива и сухой рыбы, – с сентября чирик будет.

– С ума сойти! – женщина всплеснула руками.

– Инфляция, – парень пожал мощными плечами.

– Знаем мы вашу инфляцию, – проворчала продавщица, отсчитывая Ольге сдачу и выбивая чек. – Спросили бы лучше, как мы эти деньги зарабатываем. Магазины на каждом углу сами себя проедают. А тут вы ещё...

– А ты президенту письмо напиши! – хохотнул второй парень.

– Не, зачем президенту? Пусть сразу Морозу телеграфирует, – добавил любитель пива и рыбы.

Мелочь со звоном рассыпалась по полу. Оля схватила пакет и, едва не столкнувшись со вторым парнем на пороге, пулей выскочила из магазина.

«Этого не может быть, не может быть, не может быть...»

Ольга не обратила внимания на автомобильные сигналы откуда-то сбоку. Лишь когда её окликнули по имени, остановилась и обернулась. Сергей Мезенцев вышел из полицейской машины и, махнув водителю, перешёл дорогу.

– Привет, мышка, куда направляешься?

– Серёжа, – Ольга уткнулась головой в плечо друга, – хорошо, что я тебя встретила. Ты сейчас свободен?

– Нет, еду в район по делам. Но я могу зайти к тебе вечером. У тебя всё нормально? Где ты была?

– Ходила на кладбище. Сейчас за справками, – Оля кивнула в сторону центра. – Оформляю тёткино наследство, – Ольга нервничала. – Серёжа, мне нужно кое-что спросить у тебя. То есть, узнать... Я совсем запуталась.

Мезенцев ждал. Он стоял так близко, что она чувствовала запах его кожи и лосьона для бритья. Из машины посигналили. Сергей дёрнулся.

– Мне надо сейчас уехать.

– Да, конечно!

Мезенцев провёл кончиками пальцев по руке Ольги.

– Так я зайду вечером? – он быстро перешёл дорогу и сел обратно в автомобиль.

Ольга проводила долгим взглядом полицейскую машину и вытерла руку о джинсы.

Она ничего не понимала. В голове образовалась каша из собственных мыслей и обрывков фраз, сказанных случайны-

ми людьми. Если бы Ольга видела себя со стороны, то не удивилась бы взглядам, которые на неё бросали прохожие. Она то бежала, то вдруг останавливалась посреди дороги, и на неё кто-нибудь обязательно наталкивался. Словно робот, она доставала паспорт, проверяла данные в справках и потом подписывала бумаги у нотариуса. Нотариус что-то объяснял Ольге, водила карандашом по документам, и Ольга кивала, продолжая думать о своём.

Но возможно ли было не думать? Вокруг творилось необъяснимое. Самодовольные Тищенко и Гуциев, процветающий Макаров, погибшая Марина, пропавшие девушки, Морозов, продолжавший взимать дань с магазинов и имевший тайную власть над городом – Дед Мороз, державший всех в страхе и в своём кулаке.

Но этого просто не могло быть! Ведь уже восемь лет, как Морозов был мёртв.

Чудов, восемь лет назад.

Морозов стал теперь часто появляться в «Огоньке». Один, со своими приспешниками или с нужными людьми, — он мог заявиться в любое время, не предупреждая о своём визите.

Валентина злилась. В стенах ресторана она, казалось, вела себя привычным образом. Была радушна с местной «элитой», требовательна к персоналу, придирчива к мелочам. Но дома Оля замечала, как мрачнело её лицо, и быстро иссякали запасы спиртного. Она, как и прежде, срывалась на племяннице, но происходило это теперь всё более истерично, словно Валентина мстила ей за что-то.

На Ольгу, впрочем, это уже не производило особого впечатления. Привычка — вторая натура. Она отдавала большую часть своего заработка тётке. Даже не потому, что это был приказ, а из собственного понимания правильности. Ирочка ругала Олю за мягкотелость. Ольга понимала, что скудных средств недостаточно на первое время в другом городе. Возможность уехать из Чудова становилась всё призрачнее, но поступить по-другому она не могла.

В детстве Оля боялась тётки, поэтому старалась отго-

родиться и закрыться в собственном мире. Валентину бы устроило, если бы племянницы, в принципе, не было рядом. Оля чувствовала, что даже своим тихим существованием, почти незримым и бесшумным, она мешает Валентине. В то же время ей каждый раз приходилось умолять её, чтобы съездить куда-либо с классом или школьными друзьями. За то недолгое время, которое Ольга отработала в ресторане, она почерпнула больше знаний и умений, чем могла бы получить, сидя в четырёх стенах. Поэтому она была даже благодарна Валентине, но уже не испытывала того священного трепета, который жил в ней всё детство.

По большому счёту, Ольгу окружали простые и дружелюбные люди со своими проблемами и претензиями, незамысловатыми желаниями и бытом. Оле нравился Лаврик, хотя называть пожилого человека подобным образом казалось бестактным. Она несколько раз пыталась обращаться к нему – дядя Лавр, но он сам попросил её не делать этого.

Лаврик был немногословен и очень умен. Казалось, он знает абсолютно всё! И руки у него росли из правильного места. Любую поломку мог оценить в считанные минуты и тут же исправить. Валентине не приходилось нанимать ни электриков, ни сантехников, ни плотников, Лаврик всегда был на посту. А Ольга была его верным оруженосцем, научившись разбираться с его лёгкой руки с отвёртками, шуруповёртами и прочим рабочим инвентарём. Ирочка рассказала, что мужчина жил один, и Ольга удивилась тому, каким чистым

и опрятным он приходил на работу, умудряясь обходиться без женского внимания.

Повара, Тоня и Люба, были настолько заняты готовкой и тихой войной друг с другом, что на остальных коллег у них попросту не оставалось ни времени, ни сил. И всё же, на кухне Ольгу частенько ждал какой-нибудь сюрприз. На тарелочке под белым полотенцем Оля находила то пирожное, то горсть катушек цветных ниток, то пакетик с бисером для рукоделия. Тоня и Люба словно соревновались друг с другом в попытках сделать Олю чуточку счастливее.

А вот с Мариной отношения не складывались. Вернее было бы сказать, они сложились, но не в пользу Ольги. Марина не была особо дружна и с остальными, но общаясь с Ольгой, могла себе позволить откровенную грубость. Ирочка не лезла в их разборки, просто пыталась мягко свести инцидент к шутке. Оля не понимала, как себя вести с Шагиной. Но ей самой по необъяснимой причине нравилось наблюдать за ней. Было в этой высокомерной красавице что-то необыкновенно притягательное: в её яркой внешности, грубоватом голосе, плавных движениях и манере одеваться. Дома перед зеркалом Оля пыталась повторить походку Марины, скопировать наклон головы или произнести фразу с таким же томным прищуром и язвительной усмешкой. Кроме смеха это конечно ничего не вызывало, но Оле не стыдно было себе признаться в том, что несмотря ни на что, Марина вызывает в ней непреодолимое восхищение.

Когда Морозов приходил в ресторан, он неизменно спрашивал о Шагиной. Ольга видела несколько раз, как они разговаривали в зале или подсобке, и разговор их мало напоминал дружескую беседу. Всё оставшееся время потом глаза Марины метали молнии, а любое брошенное в её адрес слово или вопрос могли вызвать бурную ответную реакцию.

– Что-то было у них, – поделилась как-то Ирочка, после того как Марина, переодевшись, уже вышла из раздевалки. – Ты на неё не обижайся. Несладко пришлось девке. Вроде и красавица, и умница, а всё как-то... – она не закончила, махнув рукой.

– Она очень красивая, – протянула мечтательно Оля.

– А ты разве не красавица? – воскликнула Ирочка в ответ. – Ещё пару лет, и лебедью станешь! На тебя, поди, уже сейчас мальчишки засматриваются. Ведь чудо, какая ты милая! Волосы, словно шёлк! Кто-то вон шампунь-маски-бальзамы на себя тоннами изводит, а кому-то даром такое богатство даётся!

– У Марины волосы лучше! Длиннющие, прямые, блестящие!

– Как у ведьмы, – язвительно заметила Ирочка.

В ответ Ольга показала Ирочке язык:

– Иди уже домой, дети заждались! А меня тётя Валя сейчас искать начнёт. Пойду к своему корыту.

Морозов и его компания завалились в этот вечер уже в

изрядном подпитии.

Оля слышала их громкий смех из зала, и каждый раз вздрагивала от звона посуды и криков. Девушка знала, что большинство клиентов их ресторана не смущает подобное соседство, некоторые пользовались моментом, чтобы пообщаться с Морозовым на короткой ноге и решить какие-то свои вопросы. Но за время наблюдения за Романом Оля так же поняла, что, не смотря веселье и шуточки, от него не ускользает ни единая мелочь. Морозов следил за происходящим, следил за каждым человеком в поле зрения, за каждым произнесённым словом или движением. Ей было странно, что при таком количестве выпитого, хозяин ресторана лишь играет роль расслабленного собутыльника. Его взгляд всегда оставался абсолютно трезвым. Когда Оля заметила, что и сама становится объектом его пристального внимания, то постаралась не думать об этом. В конце концов, они не так часто пересекались. Завидев Морозова, девушка старалась не попадаться ему на глаза.

Марина поставила поднос с грязной посудой рядом с Ольгой с таким грохотом, что вилка, соскользнув с тарелки, со звоном упала на плитку.

– Придурки! – процедила устало и похлопала себя по кармашку фартука. – Зажигалка есть?

– Нет, – Оля вытерла лоб сухой частью руки.

– Ладно, спички возьму на кухне.

Оля проводила глазами Марину и стала перекладывать

посуду с подноса в мойку.

Из зала доносилась музыка. Оля тихонько подпевала. Когда кто-то из присутствующих стал звать Марину, она просто отметила это про себя. Выкурить сигарету много времени не занимало, дождутся. Неожиданно в дверях показался один из друзей Морозова – раскрасневшийся от водки, взъерошенный, в разъехавшейся на животе рубашке Макаров. В тот вечер он пришёл не в форменном кителе, но ремень на его брюках был полицейский – текстильный, с орлом на пряжке.

– О, мадмуазель, – с шутовским поклоном пьяно произнёс он, – а что это вы тут делаете? – Макаров обвёл глазами небольшое помещение и ткнул пальцем в пустой поднос.

Ольга не ответила и продолжила мыть тарелки, лишь ниже склонив голову.

– Макар, ты где? – появился Тищенко. – Нашёл Маринку? Где наша сладкая девочка? – растрёпанная чёлка его свисала до самых глаз. Дунув на волосы и не получив результата, Тищенко сгрёб чёлку пятернёй и откинул её назад. – Кто это у нас тут?

– Вот, нашёл. В воде плещется и молчит, – Макаров развёл руками.

– Немая? – Тищенко икнул, качнулся и ухватился за дверь.

– Наверное, не хочет с нами разговаривать!

– С нами? Не хочет? – Тищенко сделал несколько нетвёрдых шагов по направлению к Оле. – Ты почему не хочешь

разговаривать? Ну-ка, отвечай дяде!

Оля закусила губу. Она постоянно видела пьяных гостей, но, как правило, их удавалось усмирить прямо в зале. Обычно одного упоминания имени хозяина было достаточно, чтобы гость уходил бузить и догуливать в другое место. Что делать в этой ситуации Оля не представляла. И, как назло, Валентина с Мариной куда-то запропастились.

Сильный запах спиртного и табака быстро заполнил жаркое и душное помещение. Герман Тищенко протянул руку, подцепил за край и сорвал косынку с головы Ольги. На пол посыпались шпильки, толстый узел светлых волос размотался, упав тяжёлой волной на плечи девушки.

– О-о-о! – хором произнесли мужчины.

– Смотри, какая Снегурочка! Как раз для тебя, Морозов! – Тищенко сделал неприличный жест бёдрами, а Макаров, схватившись за живот, затрясся от смеха.

Ольга была ошеломлена и растеряна. В какой момент в дверях появился Роман, она не заметила. Его угольно-чёрные глаза впились в её лицо, шрам над губой побагровел, налившись кровью. Он ничего не говорил, пока друзья куражились рядом, выкрикивая скабрёзные шуточки.

Девушка попыталась закрутить волосы обратно в узел, но Тищенко не давал ей этого сделать, хватая руками за запястья. В конце концов, Ольга стащила с руки мокрую перчатку и замахнулась.

– Мальчики, мальчики! – Валентина, заискивающе гляде-

ла на Морозова, но обращалась ко всем. – Что это вы разошлись, а? Пойдёмте-ка за стол, Марина водочку охладила, закуски принесла.

Роман усмехнулся, не сводя глаз с Ольги. Тищенко и Макаров, поддерживая друг друга, ушли первыми. Тётка продолжала стоять рядом с Морозовым, подёргивая его за рукав.

– Роман Борисович, прошу к столу.

– Пусть она к нам выйдет! – велел Морозов.

– Да зачем же, Роман Борисович? – в голосе Валентины звучало искреннее удивление. – Малолетка ещё. Что ей за вашим столом делать?

– Пусть придёт, я сказал.

– Не пойду я никуда! – звонко крикнула Оля и швырнула резиновую перчатку в полный бак воды. Брызги разлетелись в разные стороны, попав и на Морозова, и на Валентину, и на неё саму. – Не хватало ещё! – на щеках Оли выступили красные пятна. У неё руки чесались, чтобы не запустить в этих двух каким-нибудь блюдом поувесистей.

Морозов смахнул с рукава кружево мокрой пены. Оттолкнув от себя Валентину, не спеша вышел из моечной.

Зыркнув на Ольгу, Валентина аж зашипела сквозь зубы. Оля стояла, тяжело дыша и сжимая кулаки.

– Уберись тут и быстро домой! – толстые щёки Валентины гневно тряслись. – Под монастырь меня подвести хочешь? Неблагодарная!

– Я?! – у Оли засвербело в носу. – Они сами пришли! Га-

дости говорили!

– Иди домой! – в голосе тётки появились предупреждающие нотки.

Ольга вытащила пробку из бака и стала вытирать металлическую столешницу. Пнув ногой мусорное ведро, стащила с себя длинный фартук. Быстро переодевшись, через служебный вход выбежала на улицу. Вечерний полумрак был упоительно спокоен и свеж. Оля нашла в кармане простую чёрную резинку и сделала высокий хвост.

– Он любит таких лошадок.

Голос за спиной заставил Ольгу оглянуться. Марина, прислонившись к стене и скрестив руки перед собой, смотрела на Олю. По её взгляду было сложно определить, о чём она думает: лицо казалось совершенно спокойным, и только глаза мерцали, отражая свет лампы над входом.

– О чём это ты?

– Догадайся сама. Кажется, тебе удалось его заинтересовать.

– Мне это не нужно, – голос Оли дрогнул, – можешь забирать его себе!

Марина тихо рассмеялась и махнула рукой.

– Глупая маленькая пони! Я бы рассказала тебе, что ему нравится в таких как ты, необъезженных кобылках, – девушка добавила грязное ругательство, и Ольга отшатнулась, как от пощёчины.

Не дожидаясь конца разговора, Оля зашагала в сторону

дома. Для одного вечера было достаточно событий. Их ещё следовало переварить. Поступки и слова людей иногда просто ставили её в тупик. Причина явно была не в ней, ведь Ольга искренне верила в доброту и порядочность, и сама старалась соответствовать этим понятиям.

Ей никак не удавалось успокоиться даже у себя в комнате. В ушах постоянно раздавались хлёсткие фразы и словечки Макарова и Тищенко, перед глазами маячила ухмылка Морозова, а грязные намёки Марины пугали, заставляя сердце то бешено колотиться, то пугливо сжиматься где-то в районе солнечного сплетения.

Шёл уже двенадцатый час. Валентины не было. Ольга встала с кровати не в силах уснуть от сковавшего внутренности холода. Включила в ванной горячую воду. Сев на бортик ванной, стала греть ноги, попутно разглядывая себя в зеркало над раковиной. Затем, уже стоя перед ним, Оля взяла расчёску и провела несколько раз по распущенным волосам. Не имело смысла искать оправдания и объяснения чужим поступкам.

Ольга вернулась в свою комнату и взяла со стола портновские ножницы. В ванной она разделила волосы на две части и ухватилась за одну прядь. Примерившись, развела лезвия и зажала белокурый локон чуть ниже уха. Холодный металл обжог кожу. Закусив губу, Ольга посильнее натянула прядь. Это помогло. Раздался лязгающий звук, затем глухой хруст. В Олином кулаке остался длинный, уже безжизненный клочок

волос. Со второй прядью всё получилось гораздо быстрее.

В животе заурчало. Мысли мыслями, а организм требовал пищи иного рода. Покрутив головой, Ольга вдруг поняла, что на автомате свернула с дороги гораздо раньше. Впрочем, она помнила эту заросшую шиповником и черноплодной рябиной улицу – она, как и многое в Чудове, практически не изменилась: все те же деревянные домики с зелёными палисадниками и кирпичные гаражи вдоль дороги. Единственным новшеством оказалась серая пластиковая коробка под оранжевой крышей – «Пятёрочка».

Купив курицу и хлеб, девушка не удержалась и откусила кусок батона. Мякиш завяз в зубах плотным и безвкусным комком, и Оля вернулась на кассу за соком.

В это время за стеклянными раздвижными дверьми что-то происходило: охранник, крупный мужчина, держал за шкурку слабо упирающегося старика. Тот, словно куль, повис в его кулаке и еле-еле перебирал ногами. Тощие руки, похожие на корявые ветки, торчали из задранных рукавов. Охранник оттащил старика подальше от входа и толкнул в пыльные придорожные кусты.

– Опять накушался соседка, лыка не вяжет, – женщина в очереди беззлобно рассмеялась.

Ольга, расплатившись, вышла из магазина.

Пожилой мужчина лежал, завалившись на бок, и негром-

ко стонал. Одной рукой он упирался в землю, а второй хватался за воздух, словно ища поддержки. Девушка остановилась.

– Пусть проспится! – женщина из очереди поравнялась с Ольгой. – Вон, наша двухэтажка. Недалеко ползти. Лучше пусть здесь валяется, чем в подъезде. Быстрее проветрится и в себя придёт, – она, не спеша двинулась к дому.

– А на каком этаже он живёт?

Женщина обернулась.

– В первой квартире, – потом спохватилась. – А, – махнула рукой, – у него, всё равно, брать нечего.

Оля наклонилась к мужчине и тут же отпрянула, сражённая тяжёлым сивушным запахом. Старик встал на четвереньки, потом перевернулся, пытаясь подняться, но шлёпнулся задом на землю. Он не матерился, только вздыхал и тряс седыми всклокоченными волосами. Оля уже хотела оставить его, убедившись, что мужчина вполне себе жив и здоров, но вдруг охнула, рассмотрев в глубоких бороздах морщин лицо.

– Лаврик?!

Старик отмахнулся от неё и, скривив рот, затрясся в бесслёзном плаче.

Не обращая внимания на его сопротивление, Ольга подхватила Лаврика под руки. Девушке удалось кое-как поставить мужчину на ноги и даже сделать несколько шагов в направлении его дома. Но Лаврик обмяк, и ей пришлось тащить его на себе. Ольга поразилась, каким высохшим ста-

ло его тело. Практически скелет. Ноги старика плохо слушались, и короткое расстояние до дома им пришлось преодолеть с остановками, топчась на месте и поднимая вокруг себя облака пыли. Оля несколько раз громко спрашивала Лаврика о ключах, но он лишь что-то бессвязно мычал. Даже похлопав его по карманам, девушка ключей не нашла. Кодовый замок в подъезде не работал. Квартира, как оказалось, тоже была не заперта.

В тёмном коридоре Ольгу встретил спёртый запах давно немытого и непроветриваемого жилища. В довершение навстречу им из кухни, цокая по полу когтями, вышел большой чёрный пёс. Оля испуганно замерла. Пёс молча подошёл, погрузил нос в пакет с её покупками, понюхал хозяина, вздохнул и отошёл на некоторое расстояние. Оля свалила Лаврика на одиноко стоявший стул в коридоре, смахнув с сидения пустую картонную коробку. Громко чихнула и прослезилась. Пёс пару раз вильнул хвостом, с интересом разглядывая гостью.

– Привет! – обратившись к собаке, Оля плотнее прикрыла входную дверь. Лаврик витиевато всхрапнул, но так и не поднял свесившуюся на грудь голову.

– Если ты не против, я здесь немного похозяйничаю.

В коридоре было ненамного чище, чем на улице. Пёс, по всей видимости, это понимал и против не был. Оля оглядела жилище старика. К удивлению, единственная комната хоть и была захламлена, но отторжения не вызывала. Скорее на-

оборот. Ольга грустно улыбнулась. Да, всё, что она здесь видела, имело непосредственное отношение к Лаврику. К умному, начитанному, всезнающему Лаврику. На полках вдоль стен и до самого потолка, на столе и на подоконнике находились книги. Узкая металлическая пружинная кровать ютилась сбоку от двери. Старый матрас покрыт истёртым подбоем простыни, слежавшаяся подушка с серой наволочкой, куцее одеяло. Девушка прошла на кухню, проверила плиту и, порывшись на полках, достала кастрюлю.

– Я, как будто, к вам и шла! – обратилась она к следовавшему за ней псу.

Курица отправилась вариться. Постельный комплект был распакован и заправлен. В старом холодильнике нашлась луковица и пара картошин с розово-сиреневыми ростками, на полке стояла сковорода с пустыми засохшими макаронами. Часть этих макарон слипшимся куском лежала и в миске собаки. В шкафу лишь дешёвый чай, пакет с солью и пачка геркулеса.

– Бедный пёс, ты, наверное, голодный? – Ольга положила ладонь на голову собаки, погрузив пальцы в густую шерсть. Пёс, вздохнув, лёг в проходе и положил морду на лапы. – Ничего, потерпи немного, скоро суп сварится.

Оля оттащила Лаврика к кровати. Вместе с пиджаком сняла с него и грязные брюки. В конце концов, порядок должен быть во всём, и Ольга искренне считала, что в отношении стариков, детей, больных и животных брезгливости ме-

ста нет. Лаврик был определённо болен, он бы никогда не поддался зелёному змею без явных на то причин. Он ещё пытался как-то организовать и поддерживать свой немудрёный быт. Это было заметно по относительно порядку в ванной и туалете, по сушившимся на верёвке носкам и стаканчике с зубной пастой и дешёвым бритвенным станком.

Пока кипел бульон, Ольга вымыла кухню. Стараясь не шуметь, подмела в комнате.

– Собаки, кажется, должны гулять?

Чёрные уши развернулись к ней розовыми треугольниками. Пёс резво поднялся и направился к двери.

– Где же твой поводок? – она порылась в вещах на вешалке, заглянула под кровать и под стол в поисках шлейки. Пёс поскрёб дверь. Девушка решительно взялась за ручку. – Только, чур, не убегать.

Скрывшись ненадолго в кустах акации, пёс радостно обежал вокруг двора, вернулся к подъезду и сел возле Ольги, чутко прислушиваясь к уличным звукам. Девушка же наоборот ничего не видела и не слышала вокруг себя, углубившись в телефон. За пару дней скопились эсэмэски и сообщения в соцсетях, которые следовало хотя бы прочитать. Ещё в поезде Оля коротко поставила в известность Жанну о вынужденном отъезде, и та, не проявляя особого интереса, прислала ей несколько фотографии себя любимой, своих выступлений и вечеринок. На паре из них был Артём в окружении театральных и киношных коллег, ослепительных актрис

и модных блогеров в антураже московского ресторана или клуба. Его сообщения были коротки: «Где ты?» в субботу, и «Что случилось?» в воскресенье. Ответить ей было нечего, а отягощать извинениями и враньём переписку не хотелось. Умерла, так умерла. Судя по ослепительной улыбке на фотографиях, у Артёма всё было хорошо, и этого достаточно.

Пёс деликатно ткнул Олю носом в колени. Девушка убрала телефон в карман, горестно вздохнула и потрепала собаку за ушами. Вдвоём они вернулись в квартиру. В коридоре терпко и по-домашнему пахло едой.

Лаврик, сгорбившись, сидел за столом и пил бульон из стакана. Руки его мелко тряслись, голые тощие ноги, торчавшие из ситцевых трусов, тоже дрожали. Пёс прошествовал на кухню и прижался боком к хозяину.

– Я тут прибралась немного, извините... дядя Лавр, – Ольга закусил губу, садясь напротив. Лаврик кивнул, лязгнув зубами о край стакана. Стараясь не смущать старика, девушка занялась чисткой лука и картофеля. – Сейчас доделаю. Я кулинар тот ещё. Суп из топора не получится, конечно. Топора не нашла, а так – вполне себе приличный бульон.

Оля выловила курицу и стала разделявать её, выложив на сковородку. Флегматичный до этого пёс нервно засуетился, втягивая носом сытный дух. Оля сыпанула от души геркулес из коробки и прикрыла кастрюлю крышкой.

– Пять минут, пожалуйста! – обратилась она к собаке.

– Платоша, сидеть! – скрипуче произнёс Лаврик и отста-

вил стакан. Оля улыбнулась, наконец-то услышав его голос.

Сполоснув миску собаки, девушка налила в неё суп, накрошила куриного мяса и поставила на подоконник остывать. Затем достала тарелки. По каждой из них следовало бы пройти металлической губкой, но Оля их просто сполоснула. Она была уверена, что Лаврик и так всё отлично понимает. Какими бы ни были причины его поведения, она была не вправе осуждать старика. Он спрятал поросшие седыми волосами ноги под стол и привалился спиной к стене, блаженно прикрыв глаза. Ольга нашла ложки, нарезала батон. Ела молча, с аппетитом, чувствуя, как постепенно по телу разливается сытое спокойствие. Лаврик не был расположен к задушевному разговору, это читалось в его глазах и насупленных бровях, но от еды не отказался, сосредоточенно орудуя ложкой.

– Платон? Подходящее имя! – девушка прибрала за собой, докрошив остатки хлеба в собачью еду. Ей не хотелось стеснять старика, да и он не шёл на контакт с ней. – Что ж, мне, наверное, пора. Если вы... ты не против, я бы хотела что-нибудь взять почитать. Дома не осталось ни одной книги. Ума не приложу, куда всё девалось.

Лаврик доскрёб кашичу со дна тарелки и, промокнув коркой, отправил в рот. Коротко кивнул.

– Лучше сейчас ещё поспать, – девушка потрогала дно собачьей миски и помешала ложкой. – Я Платошу накормлю и уйду. Только вот ключей нет.

Лаврик равнодушно пожал плечами и побрёл обратно в комнату. Ольга услышала, как скрипнула кровать.

За окном уже темнело. Девушка водила пальцем по корешкам книг, наталкиваясь на старые пожелтевшие фотографии, торчавшие между ними, стопки пластинок в бумажных обёртках, журналы «Наука и жизнь», датированные прошлым веком. На одной из полок стояло несколько пузатых бокалов, внутри которых поблёскивали значки и пуговицы. Задрав голову выше, Ольга упёрлась глазами в Уголовный кодекс посреди собрания сочинений Артура Конан Дойля. Ну да, конечно, знаки и психологические подсказки. Невесело усмехнувшись, девушка залезла на табуретку. Вытащив одну из книг, полистала оглавление. Пожалуй, отвлечься ей поможет только Шерлок Холмс. Оля взяла следующий том рядом с Уголовным кодексом и попыталась впихнуть юридический фолиант поглубже, но он продолжал выпирать, словно ему что-то мешало. Девушка пошарила рукой в глубине и наткнулась на что-то мягкое. Придерживая подбородком книги, она извлекла небольшую сумочку. Не обращая внимания на серую пыль, тут же покрывшую руку и рукав, Оля застыла, холодея от подступившей паники. Голова её закружилась, ноги предательски задрожали. Лаврик заворочался на кровати, и Ольга перевела тяжёлый растерянный взгляд на старика. Руку жгло, словно она держала в ней тлеющую головёшку. Первой мыслью действительно было же-

ление сжечь сумку сейчас же. Но Оля тихо засунула её обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.